

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

КОНСТАНТИН СОЛОВЬЕВ

РАУБРИТТЕР III FIDEM

Константин Сергеевич Соловьёв
Раубриттер III. Fidem
Серия «Новый фантастический
боевик (Эксмо)»
Серия «Раубриттер», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68345963

К. С. Соловьёв. Раубриттер III. Fidem: ООО Издательство «Эксмо»;

Москва; 2023

ISBN 978-5-04-175653-6

Аннотация

Гримберт, маркграф Туринский, многими недоброжелателями прозванный Пауком, с детства отличался склонностями к политическим интригам, мнил себя талантливым манипулятором, всегда достигающим поставленной цели. В какой-то момент он сделал роковую ошибку, сам сделавшись целью заговора, и этот момент перечеркнул все, что у него было. Больше нет ни титула, ни почёта, ни уважения, к которому он привык. Есть только потрепанный рыцарский доспех, пара устаревших пушек и малочетное ремесло раубриттера. Разбойника, наемника и авантюриста без герба и чести. Но в выжженном радиоактивном мире, который и без того трещит по

швам, раздираемый феодальными и религиозными распрями, это уже что-то. Как знать, может, Пауку удастся скопить достаточно яда, чтоб отомстить своим обидчикам...

Боевая антиутопия, меха с роботами-рыцарями и славными героями, которые не прочь захватить власть или пройти тяжелый путь исправления совершенных ошибок.

«Fidem» – третья книга трилогии «Паубриттер».

Содержание

Часть первая	6
Часть вторая	44
Часть третья	83
Часть четвертая	116
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Константин Соловьев

Раубриттер III. Fidem

© Соловьев К. С., текст, 2023

© Оформление. ООО Издательство «Эксмо», 2023

* * *

*Каждое чудо должно найти свое объяснение,
иначе оно просто невыносимо.
Святой Карл Пражский*

Часть первая

– Любезный! Вы паромщик?

Человек в широкополой соломенной шляпе и с трубкой в зубах приоткрыл глаза, серые и невыразительные, как заполненные дождевой водой отпечатки копыт в земле.

– Чего желаете?

– Желая переправиться на остров, и поскорее. Во сколько это обойдется?

Паромщик не удостоил его вторым взглядом. Вместо этого он коротко затянулся из пеньковой трубки, исторгнув в воздух клуб желтоватого дыма. Судя по запавшим глазам и мелким кровоточащим язвам на губах, курил он какой-то тонизирующий алкалоид, но Гримберт сомневался, что это был благородный эггонилбензоат. Скорее, какая-то дьявольская смесь из львиного хвоста, голубого лотоса и шалфея, популярная в здешних краях. Мертвый немигающий взгляд паромщика, устремленный к стылым океанским водам, говорил о том, что он курил ее достаточно долго, чтобы его нервная система давно превратилась в подобие выжженной чрезмерным напряжением электрической сети.

– Переправиться? Да пожалуйста, – ответил он равнодушно. – Два денье за двоих, еще три – за доспех. Стало быть, всего пять. Паром отчаливает через два часа.

– А далеко ли Грауштейн?

– Пять сотен рут. Только не обычных, а брауншвейгских.

Гримберт мысленно выругался. Воспитанный Магнебодом в почтении к имперской системе мер, он в равной степени хорошо мог считать как в километрах, так и в туазах и лигах, принятых на восточных рубежах, но здешние мерки не раз ставили его в тупик. Не так-то просто навскидку вспомнить, сколько метров будет в брауншвейгской руте и чем она отличается от ганноверской или баденской.

«Серый Судья» охотно пришел на помощь, хоть и не отличался великим умом. Вышло два километра с лишком. Со всем не впечатляющее расстояние, если мерить по суше, но весьма солидное, если речь идет о водах Сарматского океана.

– Отлично. Мой оруженосец заплатит. Но я хотел бы отправиться прямо сейчас.

Это не произвело на паромщика никакого впечатления.

– Паром к Грауштейну отправляется через два часа.

– Ну ты, бездельник! – рыкнул Берхард, теряя терпение. – Разуи свои овечьи бельма! Не видишь, что ли, что перед тобой рыцарь?

Паромщик равнодушно скользнул взглядом по броне «Серого Судьи». Судя по всему, доспех не внушил ему надлежащего благоговения, и Гримберт понимал отчего. Его доспех настолько же походил на тех рыцарей, что рисуют обычно на афишах, возвещая начало какого-нибудь турнира, насколько сам паромщик – на святого Петра. Ни пышного плюмажа, ни выписанного хорошей краской герба на груди, ни свиты

– одна лишь невыразительная серая сталь, и та не полированная, а потертая, обожженная, покрытая оспинами старых попаданий и латками наспех заделанных пробоин. Даже расчехли он оба своих трехдюймовых орудия, едва ли это заставило «Серого Судью» выглядеть хоть сколько-нибудь представительнее.

Орудия были инсбругской работы, и Гримберт втайне ими гордился. Приобретенные не так давно, съевшие их с Берхардом доход за последний год, они не превращали «Серого Судью» в грозного противника, но, по крайней мере, позволяли Гримберту не прятаться в придорожных кустах от стыда всякий раз, когда он слышал приближающиеся шаги бронированного собрата.

– Нынче в Грауштейне рыцарей больше, чем козьего дерьма на тропе, – паромщик сплюнул себе под ноги сгусток синеватой от курева слюны. – Только за сегодня троих перевез. Прут и прут, как черти...

Берхард с глухим ворчанием опустил руку на рукоять суковатой дубинки. Гримберт с удовольствием понаблюдал бы за тем, как он преподает паромщику урок хороших манер, а то и сам бы превратил наглеца в кровавую ветошь короткой пулеметной очередью, но с сожалением признал, что в этот раз придется сдержаться.

– Брось этого осла, Берхард, – раздраженно приказал он. – Я на «Судье» переправлюсь по дну, а ты дождись парома и доставь мулов с припасами. Заодно сэкономим пару монет...

– Не советую, сир рыцарь, – паромщик коротко зевнул, продемонстрировав изъеденную ядовитым зельем пасть, полную сгнивших зубов. – Не то придется мне осколки вашего доспеха еще пару дней из воды выуживать. Большие-то хоть на переплав сдать можно, а от мелких одна морока, только дно захламляют...

– Что ты несешь? – Гримберт вновь едва удержался от того, чтобы перерубить его пополам хлесткой пулеметной очереди. – Какие еще осколки?

Паромщик коротко кивнул в сторону океанской глади:

– Донные мины. Их еще в старину ставили, от кельтов, значит. Так и ржавеют с тех пор на доньшке. Взрыватели магнитные, чуткость у них большая. Человека или там корову не тронут, а кто в доспехе вброд пойдет, обратно уже не выйдет, вот как.

Гримберт едва не заскрипел зубами. Стоило это предвидеть. Монастыри монахов-рыцарей часто оборудовались подобно крепостям, возводя многочисленные эшелоны обороны, ему следовало догадаться, что Грауштейн не являет собой исключения. Донные мины – серьезная штука, с такой стоит считаться.

– Ах ты дьявол...

– Да обождите вы, мессир, – буркнул паромщик, выбивая трубку, уже более миролюбиво. – Через два часа переправлю вас на остров, бережно, как Ной – зайчонка. Если хотите знать, на пароме паломники с самого раннего утра ждут, и

ничего. Даже рыцарь один имеется, вроде вас, и ждет, как миленький, не злословит.

– Заплати этому мерзавцу пять денье, Берхард. Так что, много народу нынче на острове?

Пять серебряных монет, переданных Берхардом паромщику, не сделали его более приветливым, но немного разговорили. Некоторым металлам свойственно потрясающе влиять на человеческое поведение и образ мышления, подумал Гримберт со смешком. Меди, серебру, золоту. И, конечно же, свинцу. Последний, по его мнению, всегда был наиболее ходовым, способным дать фору даже платине высшей очистки.

– Прежде не особо-то было, по правде говоря. Что им тут делать-то, в северных краях, мышей гонять? А как чудо снизошло, на монастырь, значит, так и поперли, словно грачи на бахчу.

– Сплошь лазариты небось?

Язвы на лице паромщика не походили на печать лепры, из чего Гримберт заключил, что тот не является послушником ордена Святого Лазаря, наибольшее – обсервантом, обслуживающим монастырь и ведущим монашеский уклад жизни.

– Лазаритов-то больше, конечно, каждый день, почитай, прут. Но и обычные люди бывают, даже рыцари.

– Что, всем охота взглянуть на чудо?

Паромщик посерьезнел.

– Пятка святого Лазаря не каждый день мироточит.

Столько паломников из окрестных графств собралось, что как бы весь остров под воду не ушел. Каждый день по двести три сотни переправляю. Как приор про чудо объявил, так и началось...

– А много ли там народу скопилось? В Грауштейне?

Паромщик почесал подбородок сухим желтоватым ногтем.

– Рыцарей всякого рода – две дюжины душ, не меньше. А мелкого люду – да тыщи две будет...

Гримберту показалось, что он ощутил тонкий писк зуммера, предупреждающего о захвате цели, тревожный и в то же время неизъяснимо приятный.

– А что настоятель монастыря? – как можно небрежнее осведомился он. – Тоже на острове?

– Это приор-то? А то как же! Проповеди ежедневно читает паломникам.

– Должно быть, очень усердной веры человек.

– Необычайно усердной, – подтвердил паромщик, возясь с кремнем. – Нрав у него, честно сказать, иной раз жестковат, но, как по мне, иной раз лучше жесткая солома, чем мягкая перина.

Гримберт улыбнулся, зная, что за стальным ликом «Серого Судьи» его улыбка останется незамеченной.

– Да, – произнес он негромко. – У меня тоже остались о нем именно такие впечатления. Что ж, Берхард, не будем докучать нашему любезному властителю вод пустыми разгово-

сами. Если у нас есть два часа, лучше потратить их наилучшим образом. Например, запастись морским песком и попытаться соскоблить окалину с брони.

* * *

«Серый Судья» шел неохотно, сердито ворча изношенными потрохами, точно немощный старый конь, которого жестокосердный хозяин поставил под плуг, не обращая внимания на жалобы. Потроха эти были не единожды чинены, но все никак не могли притереться друг к другу, отчего Гримберту иной раз казалось, что его доспех норовит развалиться на ходу.

Но «Серый Судья» никогда не разваливался. Он пер вперед с мрачной решимостью стального механизма, слепо выполняя волю своего хозяина и монотонно кляня ее же своим механическим голосом. Иногда Гримберту было почти почеловечески его жаль.

– Главный редуктор дребезжит, – вздохнул он. – И снова течет масло. Заменить бы поршни, да только где в этих краях найти приличную кузницу...

– Три дня марша без передыху любой доспех утрясут так, что гайки полетят, – проворчал Берхард, ведший мулов впереди. – Не сиделось тебе в Провансе, мессир? Девки там свежие и душистые, как сено, погрёба ломаются от снеди, а дворяне ленивы и беспечны, как ожиревшие коты. Пора уро-

жая наступает... Сколько подвод мы бы успели перехватить? Сколько пустующих замков тряхнуть? А тебя, значит, на север потянуло? Мощам святым поклониться? Ну вот и хлебай, что налито.

– Даже раубриттерам полезно помнить о своей бессмертной душе! – с улыбкой заметил Гримберт. – Чем тебе не нравится север?

Берхард нахмурился, помогая мулу за узду миновать глубокую промоину, образованную отпечатком чьей-то рыцарской ноги. Отпечатков было много, причем свежих, так что мулам приходилось несладко.

– Паршивый край, – буркнул он. – Холодно и мокро, что зимой, что летом. Все хиреет из года в год, земля преет и гниет, а солнца здесь и подавно сорок лет не видали. Как по мне, отсюда даже разбойники давно удрали без оглядки.

Гримберт смолчал, хотя внутренне был согласен с оружиеносцем.

Дорога к побережью, по которой они спускались, была столь извилиста и крута, что он с трудом удерживал «Судью» от сползания на залитую жидкой грязью обочину. Еще недавно эта дорога была захиревшей горной тропой, но многие сотни ног, копыт и колес в короткое время превратили ее в нахоженную колею. Сколько людей прошло здесь за последние дни? Тысячи, судя по этим отпечаткам. Тысячи паломников, устремившихся на зов истинного чуда, пробудившегося в Грауштейне. Тысячи оборванных бедолаг, соглас-

ных идти на край света, лишь бы обрести милость святого Лазаря. Но Гримберт жалости к ним, в отличие от доспеха, не испытывал.

В одном месте грязи оказалось столько, что ему пришлось смести бронированным плечом несколько сухих деревьев, чтобы Берхард смог соорудить из них небольшую гать. Это не улучшило настроения оруженосца ни на грош.

– Завязнешь в этой грязи – не жди, что вытаскивать тебя буду, – ворчал он, ожесточенно работая топором, – так и утонешь здесь, паучье отродье. Не знаю, что там за чудеса эта пятка показывает, как по мне, уже чудо, что ты сюда своим ходом дошел. Три дня без остановки, чтоб тебя!

– «Судье» не привыкать к передрягам, – Гримберт мысленно похлопал доспех по шерботой серой броне. – Он у нас тертый старик.

– Это консервная банка, – огрызнулся Берхард. – Ты не хуже меня знаешь, что он едва на ходу. У тебя снова барахлит внутренняя энергосеть. Малейший скачок напряжения в ней, и половина внутренних узлов выходит из строя. Хочу посмотреть, как ты взвоешь, оставшись в разгар боя без целеуказателя или радара...

– Мы заменим проводку и предохранители, как только представится возможность.

Но смягчить нрав старого барона было не проще, чем притупить закаленный сердечник бронебойного снаряда глиняной крошкой.

– Смотри, как бы нам вскоре не пришлось заменить и то, что в середине, – буркнул он, проверяя ногой гать. – Сколько ты уже торчишь в своем доспехе? Четыре дня?

– Три.

– Три! Странно, что твои мозги еще не закипели в чере-пе, мессир. Тебе стоило хотя бы иногда вытаскивать нейро-штифты из головы да выбираться наружу, пока сам в мощи не превратился.

Гримберт слабо улыбнулся, даже не зная, отразилась ли эта улыбка на его лице. Его настоящим лице. Он так давно сросся с тяжелым телом «Серого Судьи», что почти не полу-чал ощущений от того комка плоти, который съежился внут-ри серой брони. Даже предельно примитивная, устаревшая и, пожалуй, унижительная процедура ввода и вывода пищи и продуктов жизнедеятельности не могла заставить его надол-го отключаться от нейроинтерфейса.

– Прекрати ворчать, старик, – небрежно бросил Грим-берт. – Подумай лучше о своей бессмертной душе. Разве ма-ло мы с тобой за последнее время грехов на себя взяли?

– На роту ландскнехтов хватит, – отозвался Берхард, сверкнув острой, как мавританский кинжал, ухмылкой. – Это если после Рождества брать. А если до...

– Вот именно. Так не пора ли воспользоваться случаем, чтобы приникнуть к Божественной благодати, раз уж сам Господь соизволил явить чудо?

– Сарказм удался тебе не лучше, чем портовой шлюхе –

ласка, – буркнул Берхард, мгновенно сбрасывая фальшивую личину. Так с боевого доспеха слетает брезентовое покрытие, обнажая бронированную сталь. – Паук, который задумался о том, как бы спасти свою душу, – живот надорвать можно!

– Ты оскорбляешь мою христианскую добродетель, – произнес Гримберт с выражением уязвленного смирения, хоть и знал, что грубые динамики «Судьи» превратят любую интонацию в бесцветный шум. – Даже последний раубриттер имеет право на спасение души.

Берхард беззлобно хлестнул отстающего мула хворостинной по крупу.

– Не держи меня за дурака, мессир, – посоветовал он. – Последние три дня мы мчались к морю, будто мучимый жаждой пьяница к бадье с водой. Покинули сытный Прованс, где могли бы славно перезимовать, и бросились сломя голову на север. И это притом что ходовая «Судьи» выработала половину ресурса, а с подшипниками и вовсе дрянь творится... Что за чудо должно было случиться в этом растреклятом монастыре, чтоб ты ринулся к нему, точно похотливый дьякон за юбкой?

Миновав крутой поворот, они подошли к паромной переправе. Отсюда уже можно было увидеть океан, прежде прятанный за осклизлыми холмами и зарослями болезненных шипастых деревьев. Бескрайняя водная гладь обычно придает сил усталым путникам, но Гримберт не ощутил облег-

чения, внутренности его все еще стонали после многих часов непрерывной тряски.

Сарматский океан. Говорят, когда-то он вздымался и бурлил под градом выпущенных снарядов, исчерченный острыми киями кельтских десантных кораблей. Сейчас же взгляд Гримберта равнодушно скользил по его гладкой, почти не нарушаемой волнами поверхности. Он казался сонным, вялым, равнодушным, точно был заполнен не водой, а вяло колыхающимися слоями болотной жижи. Кое-где на его поверхности виднелись щербатые гранитные обломки небольших островов, таких же безжизненных, как и он сам.

Этот океан мертв, подумал Гримберт, мертв, как мертвы мощи святого Лазаря. Как мертвы мои глазные нервы. И если когда-то в его недрах была жизнь, она давно ушла отсюда или переродилась в такие формы, которые не имеют ничего общего со знакомыми нам.

– Я знаю, зачем ты здесь, мессир.

Одно из достоинств того, что твоя уязвимая плоть спрятана за дюймами броневой стали, заключено в том, что многотонное тело не подвержено обычным нервным реакциям. Оно не вздрогнет от неожиданности. За это Гримберт тоже его ценил.

– Что?

– Я не дурак, – мрачно обронил оруженосец. – Я заметил, как ты расспрашивал паромщика о приоре. Кажется, он интересовал тебя даже больше, чем чудотворная пятка, из-за

которой разразился весь шум.

– С твоей наблюдательностью впору работать в святой инквизиции, – пробормотал Гримберт, невольно уязвленный. – Странно, что тебя устраивают лавры оруженосца.

– Даже там мне едва ли попадались бы такие отчаянные лжецы, как ты, Паук, – спокойно парировал Берхард. – Этот приор – твой давний приятель, не так ли? Один из тех, кто лишил тебя титула?

Гримберт вздохнул. Автоматика «Серого Судьи» позволяла насыщать кровь кислородом в автоматическом режиме, но время от времени он делал это самостоятельно – чтобы не атрофировались без нагрузки легкие.

– Его зовут Герард. Священник. Приор ордена Святого Лазаря. Да, он из моих старых приятелей. Из тех, что заварили в свое время Похлебку по-арборийски.

– Я так и подумал. А теперь убеди меня в том, что ты не выжил из ума, мессир. В том, что твои мозги еще не превратились в похлебку от постоянного контакта с нейроинтерфейсом.

– Что?

– Остров сейчас должен быть набит святошами под завязку. Одних только братьев-рыцарей ордена должно быть несколько дюжин. Поэтому скажи мне сейчас, прежде чем мы достигнем парома, что ведет тебя в Грауштейн? Если это месть, здесь наши дороги расходятся, Паук. Я возьму причитающуюся мне часть меди, одного мула, поверну обратно, и

если помедлю хоть минуту, то только лишь для того, чтобы плюнуть напоследок тебе в спину.

Гримберт помедлил с ответом, аккуратно перенося вес «Серого Судьи» с одной ноги на другую.

– Знаешь, многие сочли сумасшедшим Давида, когда он принялся собирать камни. Эти камни он собирался вложить в пращу, чтобы повергнуть непобедимого Голиафа. Грауштейн станет первым моим камнем, Берхард.

Оруженосец ощерился:

– Ненавижу, когда ты начинаешь плести из слов паутину. Может, маркграфы именно так и изъясняются, да только ты уже не маркграф, а раубриттер, да и я – не графиня с задранной юбкой.

Гримберт сделал еще один глубокий вдох. Иногда с Берхардом было непросто, но он уже давно уяснил, что разнообразные достоинства этого человека с лихвой компенсируют многие же его неудобства.

– Их было семеро. Семеро человек, которые состряпали заговор. Они же и пожали его плоды, уничтожив маркграфу Туринского. Последние два года я следил за их судьбами, насколько это возможно. Судьбы эти складывались поразному, у кого-то лучше, у кого-то хуже, но все семеро получили по своему куску сладкого пирога. И вот что странно. Шесть из этих судеб видно отчетливо, как золотые нити в вышитом гобелене. Иногда они теряются, но ненадолго. Достаточно подставить ухо слухам, как их судьбы начинают об-

растать новыми подробностями и деталями. Маркграф Гунтерих. Граф Лаубер. Сенешаль Алафрид. Граф Леодегарий. Граф Вьенн. Бургграф Клеф. Догадываешься, кого здесь не хватает?

– Герард, приор ордена Святого Лазаря.

– Да. Он словно канул в воду после штурма Арбории. Вместо того чтобы распространять по завоеванным землям слово Божье к вящей славе ордена Святого Лазаря, приор Герард будто пропал, растворился, распался на атомы. Еще немного – и я бы поверил в то, что он живым вознесся в Царствие Небесное! И теперь восседает одесную от Господа, кротко и смиренно глядя вниз сквозь прорехи в облацах на наши грехи...

– Ты все ещеразишь ядом, как старый паук.

Гримберт и в самом деле ощутил под языком кислую горечь. Он охотно сплюнул бы ее в землю, удобряя и без того ядовитую здешнюю почву, кабы не сидел в тесной клетке рыцарского кокпита, сдавленный со всех сторон сталью.

– Он так и не возвратился в свой старый приорат, монастырь Гроттаферрато. Этот прокаженный мерзавец пропал, будто его никогда и не существовало. И это в то время, когда он должен был упиваться славой покорителя Арбории!

– Что, если он просто удалился от суетного мира, чтобы посвятить свою жизнь молитвам и очищению души? – неохотно спросил Берхард. – Я слышал, среди монахов такое не редкость.

Гримберт рассмеялся. Скрежещущий смех «Судьи» заставил одного мула шарахнуть в сторону, едва не вырвав из руки Берхарда узду.

– Только не Герард. Только не он! Я видел его, Берхард. Тогда, еще до Арбории. Это была кипящая ярость Господня, отлитая в человеческой форме. И скорее я поверю в то, что его величество принял магометанство, чем в то, что человек вроде Герарда может по доброй воле удалиться в скит. Можешь себе вообразить мое изумление, когда три дня назад до деревушки, в которой мы с тобой обретались, донесся слух о снисхождении Чуда Господнего на безвестный монастырь Грауштейн, о чем возвещает его настоятель, приор ордена Святого Лазаря отец Герард?

– Значит, это не месть?

– Нет. Пока нет. Это вылазка в стан врага, мой друг. Именно поэтому я попросил тебя три дня назад стереть с брони все фальшивые знаки и гербы, которыми мы прежде пользовались. «Серый Судья» стар и неуклюж, но в умелых руках он станет отличным лазутчиком.

– Прикинемся паломниками?

– Именно так. В Грауштейне сейчас должно быть до черта народу, включая и рыцарей-раубриттеров. Слившись с ними, я смогу узнать многое о своем заклятом враге. Подобрать тот самый камень, который пробьет его бронированный лоб.

Кажется, этот ответ устроил Берхарда. По крайней мере, тот перестал хмуриться. По крайней мере, он вновь взял му-

лов под уздцы и во время всего спуска не произнес больше ни слова. Гримберт считал это обнадеживающим знаком.

* * *

Паром, как и ожидал Гримберт, оказался архаичной грузовой платформой, похожей на панцирь исполинской черепахи. Он был покрыт застаревшими шрамами так плотно, будто сам не раз принимал участия в морских баталиях. Разглядывая тронутые ржавчиной грузовые деки и палубу, Гримберт мрачно подумал о том, что стоит на поверхности Сарматского океана разразиться хотя бы небольшому шторму, эта посуда пойдет на дно вместе со всеми своими пассажирами.

Пассажиров набралось изрядно, это было видно даже издалека. По меньшей мере половина палубы была занята пестрой толпой, в которой сенсоры «Серого Судьи» не замечали вкраплений благородного бархата или шелка, одни лишь лохмотья и грубое некрашеное сукно. Чернь из всех прибрежных графств спешила в Грауштейн.

Ждут своей очереди прикоснуться к чуду, с мрачным смешком подумал Гримберт, разглядывая эту толпу с явственным отвращением. Запустить скрюченные пальцы в горячий котелок, прежде чем чудо не выдохлось и не потеряло свой дразнящий аппетитный запах.

Ветераны неведомо каких войн, нетерпеливо переминаю-

щиеся на грубых костылях. Сгорбленные тяжелым трудом сироты в дырявых обносках. Увечные и калеки, беспрестанно расчесывающие свои язвы. Скорбные вдовы в одинаковых черных накидках. Горланящие нищие, похожие на снующих под ногами мохнатых бесов. А еще – воры и мошенники всех мастей, бездомные, сумасшедшие, юродивые, кающиеся... Все они рвались засвидетельствовать свое почтение мироточащей пятке святого Лазаря.

На какое-то время Грауштейнское чудо превратит этот затерянный в северной глуши монастырь в путеводную звезду для всех страждущих, обездоленных, лишенных и алкающих. Они потянутся сюда длинными вереницами со всех сторон света к вящей радости ордена, оставляя на мостовой Грауштейна щедрые подношения вперемешку с вшами из своих лохмотьев. На какое-то время жизнь в монастыре забурлит подобно гейзеру. Возникнут торговые лавки, обеспечивающие желающих всем необходимым, от нательных крестов с молекулой пота святого Андрея до скверных консервов из лошадиного мяса. Появятся, будто из ниоткуда, ростовщики и купцы, а вслед за ними – ремесленники, проститутки, разбойники, шулеры, продавцы наркотических зелий, менялы, охранники... На какое-то время Грауштейн обратится настоящим городом наподобие миниатюрного Иерусалима. Но лишь на какое-то время.

Империя огромна, а запас чудес у Господа воистину безграничен. Уже завтра в каком-нибудь соборе в Нанте зами-

роточит крест, спустя два дня в Барселоне родится теленок с пятном в форме лика Христова на спине, а еще неделю спустя в Монтепульчано потрясенный бродяга увидит под покровом ночи призрачный силуэт почившей много лет назад святой Агнессы...

И река мгновенно хлынет обратно в свои берега. Стихнет людской гомон, пропадут шумные процессии паломников, натоптанный к переправе тракт вновь обратится тонкой тропкой, а нелюдимый паромщик будет сутками напролет ждать хотя бы одного желающего переправиться на ту сторону. Останется лишь то, что существовало здесь всегда, еще до прихода человека – мертвый серый камень и равномерный плеск равнодушных волн.

– Гляди, мессир, рыцарский доспех на погрузочной платформе.

– Вижу, – кратко ответил Гримберт. – Видимо, это и есть наш незадачливый попутчик, который ждет с самого утра.

– Ну и рухлядь же... Пожалуй, даст фору нашему «Судье», такая же консервная банка.

– Имей уважение к рыцарскому званию, мерзавец.

Ему стоило большого труда произнести это нарочито ровным тоном – машина, стоявшая на погрузочной деке, своим видом вызывала не больше уважения, чем ярмарочный шут. Небольшая, непропорционально сложенная, она напоминала карлика с гипертрофированной головой и тонкими ногами, а орудийные стволы выглядели несуразно маленькими даже

по сравнению с трехдюймовками «Серого Судьи».

– Модель «Юстус», – Гримберт с интересом рассматривал отдельные детали, пользуясь увеличением визора. – Не такое уж и старье, как может показаться. Их закончили выпускать лет сорок назад.

– Этими пушками только воробьев гонять, – брезгливо заметил Берхард. – К тому же я даже отсюда вижу нерациональную схему бронирования, перетяжеленный шлем и по меньшей мере спорную ходовую часть. Этот уродец не продержится и минуты в бою с настоящим рыцарем.

– Когда-то имперские кузни выпускали «Юстусов» сотнями, точно кастрюли. Если мне не изменяет память, это было во время последнего сарацинского нашествия, когда защитников Триполитанского графства едва не сбросили в Средиземное море. Это дитя военного времени, мой друг, уродливое, как и все отпрыски войны.

– Его стоило бы придушить в колыбели.

– Так и случилось. Отец рассказывал, что «Юстусы» массово выбывали из строя еще до того, как успевали вступить в бой. Неудачная конструкция, крайне посредственная баллистика орудий и столь несовершенная система охлаждения, что многие защитники Триполи, говорят, сварились вкрутую прямо в собственных доспехах. Я удивлен тем, что кто-то из «Юстусов» еще коптит небо. Хотел бы я знать, каким ветром его занесло так далеко на север.

– Тебе представится такая возможность, мессир. Если я не

ошибаюсь, его хозяин развалился в тени и похлебывает вино из фляги. Отважный малый. Будь я владельцем этого железного болвана, не рискнул бы даже носа показать наружу.

– Представимся, – решил Гримберт, направляя послушного «Судью» к погрузочной деке. – К тому же рыцарский кодекс требует проявления вежливости в любой ситуации. Будем ему верны.

Кажется, у владельца «Юстуса» были такие же странные представления о рыцарской вежливости, как и о современном доспехе. Вместо того чтобы принять соответствующую позу и отвесить короткий поклон, как того требовал этикет, он лишь благодушно махнул рукой:

– Шагайте сюда, старина. Смелее, здесь хватит места для нас обоих! Только не раздавите меня ненароком своими ножищами! Давайте, выбирайтесь и ложитесь в тень. Жарковато, а? Судя по вашим теплоотводам, там у вас внутри настоящая душегубка!

– Немного душно, – признал Гримберт. – Но мне не привыкать.

– Закаляете душу, загодя готовя ее к геенне огненной? Это не может не внушать уважения!

– Ну, уж райских кущей мне точно не видать, – заметил Гримберт. – Не после того, что я произнес за последние два часа, трясясь на этих-то амортизаторах по окрестным холмам.

В темных глазах владельца «Юстуса» мелькнуло что-то

похожее на интерес.

– Ого. Чувство юмора! Редкий товар в этой части империи. Что ж, выбирайтесь наконец из своей скорлупы и предадимся, подобно древним варварам, простым жизненным радостям! У меня есть фляга вина с барбитуратом, а это лучшее средство для знакомства, кроме того, как ничто другое позволяет скоротать время до отплытия. К сожалению, этой флягой мои активы и исчерпываются. Но если у вас завалась пара медных монет и есть оруженосец или слуга, можете послать его в ближайшую деревню за хлебом. Кроме того, из окон здешней корчмы я отчетливо слышал запах тушеных колбас. Думаю, два таких славных рыцаря, как мы с вами, могут бросить им вызов и одолеть по меньшей мере футов шесть, прежде чем погибнуть от желудочной грыжи!

– В высшей мере заманчивое предложение, – согласился Гримберт. – Однако есть обстоятельство, которое мешает мне разделить с вами трапезу, сир. Я не могу покинуть этот доспех.

– Это еще отчего?

– Обет. Я дал обещание перед ликом Господа не снимать своих доспехов три года, три месяца и три дня.

На лице лежащего в тени рыцаря отразился неподдельный интерес.

– Так вы что же, святоша? Подумать только! Мне доводилось знать одного священника из Меца, тот тоже был мастак давать обеты по любому поводу. При этом хитрец был

отчаянный. К примеру, если дело было в пост, он давал торжественный обет съесть половину жареного гуся – и, представьте себе, съедал, заливаясь слезами. Или, скажем, в воскресенье давал обет весь день не вставать с постели. Никогда не видел человека, более искреннего в вере! На какие только жертвы он не был готов ради своей бессмертной души!

– Я не священник. Мой обет вполне... светского свойства, а об обстоятельствах я бы сейчас распространяться не хотел.

– Как я могу не поверить собрату-рыцарю? – незнакомец прижал ладонь к сердцу. – Однако теперь меня снедает любопытство. О каких еще обетах следует знать вашему невольному попутчику? Не давали ли вы обет петь во все горло кабацкие песни при свете луны? Быть может, маршировать при звуках грома? Палить в людей, задающих неудобные вопросы?

– Ничего такого, – заверил его Гримберт. – Только лишь называть свое имя встречным, а также демонстрировать какой бы то ни было герб.

Словоохотливый незнакомец понимающе кивнул:

– Благородный рыцарь без герба. Весьма возвышенное побуждение, столь редкое в наш век, когда краска и чернила безжалостно вытесняют те жидкости, которые были популярны среди наших предков, – кровь и вино! В наше время вообще многие склонны излишне много внимания уделять картинке на груди, скрупулезно подсчитывая количество перьев на хвосте геральдического петуха. Знаете, у меня был

один приятель из Швабии, мелкий барон, земли у которого было достаточно лишь для того, чтоб уместить рядом корову, лошадь и курицу, для шляпы места уже не хватило бы. Он и бароном-то стал случайно, отец у него был скорняком. Так вот, вы не поверите, насколько этот парень был охоч до гербов! Часами рассуждать мог о том, какому гербу какой намет или бурелет полагается, какая тинктура к нему подходит, сколько колосьев должно быть в поле... А как справил себе доспех, так совсем из ума выжил на этой почве. На последние гроши заказал себе герб, да какой! Клянусь этой флягой, у меня голова кружилась, стоило только взглянуть на него. Чего там только не было! Ангелы, грифоны, кони, орлы, единороги, быки, змеи, вепри, даже, кажется, один дракон... Все это перемежалось виноградными лозами, большими и малыми коронами, книгами, кинжалами, звездами, хризмами, крестами самых разных форм и размеров, копьями и бог знает чем еще. Говорю вам, это был не герб, а какое-то фантастическое полотно, которое можно было читать днями напролет, словно книгу! Ничего удивительнее в жизни не видел.

– Отдает тщеславием, – заметил Гримберт нейтрально.

Сам он последние несколько минут разглядывал герб незнакомца на груди доспеха. Давно не подновляемый, нанесенный не лучшей краской, он заметно истерся, но все же оставался читаем – угловатая черная птица, сидящая на крепостной стене. Герб был лаконичный, если не сказать

скромный. Все геральдические птицы, которых прежде видел Гримберт, отличались весьма вздорным и боевым нравом – топорщили крылья, хищно открывали клювы, а то и терзали вражеский череп. Эта птица была другой, маленькой и невзрачной, похожей на примостившуюся на крепостной стене ворону.

– Парень попросту начитался рыцарских романов и был не в меру восторжен. Многих из нас это чувство обурекает в юности, прежде чем мы накидываем на неукротимый порыв страсти шоры зрелого опыта. Так и он рвался в бой, горя желанием показать всему миру свой герб и утвердить рыцарские добродетели. Доспех у него был плохонький, старый, изношенный «Клавам» третьей модели, с текущим реактором и через раз заедающими пушками, но это его, конечно, не остановило.

– И как сложилась его судьба?

– Печально, – незнакомец глотнул из фляги. – Как и у всех юных дураков на этом свете по заведенной издавна традиции. Стоило ему отойти на десяток километров от вотчины, как судьба свела его с другим рыцарем. Проклятый герб сыграл своему хозяину плохую службу. Увидев его, другой рыцарь вообразил, что судьба свела его с самим чемпионом герцогства, не меньше. И тут же вызвал его на бой. Настоящий, без имитационных снарядов. От первого же выстрела у дурака заклинило орудия, и, прежде чем он сумел перезарядиться, противник разнес его бронекapsулу вместе с

ним. Доспех еще несколько месяцев лежал в канаве, прежде чем его растащили по окрестным кузницам, а кусок лобовой брони с тем самым злополучным гербом, говорят, до сих пор висит в какой-то корчме на радость выпивающим знатокам геральдики.

– Поучительная история.

– Вы так считаете? – рассказчик смахнул с губ обильную винную каплю. – По-моему, если она чему-то и учит, то только тому, что надо поменьше слушать историй. А теперь позвольте мне исправить впечатление неотесанного и болтливового болвана, которое я успел на вас произвести, и наконец представиться. Хуго фон Химмельрейх, рыцарь. Если вам окажется бывать в Нижней Саксонии, там я известен некоторым по прозвищу Шварцрабэ, что на северном наречии означает «черная ворона». Впрочем, если вам в самом деле попадется человек, уверяющий, что знает меня, советую не слушать его рассказов – наверняка они полнятся самой настоящей клеветой!

Имя показалось ему знакомым. Оно походило на старый, истершийся указательный знак возле дороги, смутно узнаваемый, но в то же время совершенно незнакомый. Сколько подобных знаков встретилось ему на пути за последние два года? Сотни?

Тысячи, подумал он, многие тысячи.

– Простите, нам с вами не приходилось прежде встречаться?

– Полагаю, что нет. Ваш доспех не из тех, что легко забыть, уж простите за откровенность.

Гримберт не почувствовал себя уязвленным. «Серому Судье» доводилось вызывать куда более саркастичные и ядовитые замечания, среди которых реплика сира Черной Ворони могла бы, пожалуй, сойти за комплимент. Ему, большому и выносливому механическому существу, было не привыкать служить мишенью для упражнений в остроумии, самые изобретательные насмешки причиняли ему не больше вреда, чем горсть сушеного гороха – лобовой броне. Гримберту потребовалось куда больше времени, чтобы научиться сносить их с христианским смирением.

Как-то раз в Амьене мальчишки с постоялого двора, улучив безлунную ночь, щедро измазали «Судью» дегтем, так что им с Берхардом пришлось весь следующий день оттирать его тряпками и песком.

– Фон Химмельрейх... Возможно, мне приходилось слышать что-то о вашем роде. Полагаю, он из старых?

– Древний имперский род, – подтвердил Шварцрабэ, убивая флягу. – Даже более древний, чем та курица, которую подали мне в трактире этим утром. Замка у меня отродясь не водилось, что же до земли, мне хватит совсем небольшого куска, когда придет час. Ах да, совсем забыл. Эта груда железа, которая ржавеет неподалеку, именуется «Беспечный Бес». Она может выглядеть неказистой, но именно она оберегает мою жизнь на протяжении последних двадцати лет, а

это не так легко, как может показаться!

«Беспечный Бес»? Гримберт едва сдержался от того, чтобы присвистнуть. Интересно, каких трудов стоило сирю Шварцрабэ уговорить местного епископа освятить машину с таким названием?

Если кто и был занят настоящим делом, пока рыцари непринужденно болтали, так это Берхард. Привязав нагруженных мулов к поручням парома, он неспешно и основательно проверил упряжь и подковы, после чего набрал несколько горстей крупного морского песка и принялся полировать броню «Судьи». Несмотря на то, что работал бывший барон с таким видом, будто это занятие поглощает его внимание без остатка, Гримберт доподлинно знал, что тот прекрасно слышит каждое сказанное слово. Это качество с равным успехом можно было отнести к перечню как его достоинств, так и недостатков.

Шварцрабэ с удовольствием зевнул, глядя на яркое солнце, спелой виноградиной висящее в небе.

– У вас верный хронометр, сир инкогнито? Сколько еще до отплытия этой лохани?

– Паромщик утверждает, что два часа.

– Два часа... – Шварцрабэ горестно закатил глаза. – Какая жалость, что вы не можете выбраться из своей скорлупы. Мы разложили бы карты и славно сыграли прямо тут в «Скат» или «Баранью голову». Впрочем, как благородный рыцарь, вынужден предупредить – в одном только Вольфсбурге меня

выгнали из трех кабаков за шулерство.

Интересный тип, подумал Гримберт, невольно разглядывая разглагольствующего рыцаря, беззаботно пьющего вино в тени своего доспеха. Судя по всему, один из тех бедолаг-раубриттеров, которые вынуждены рыскать по всей империи, ища не столько подвигов, сколько пропитания. На востоке таких немного, там все еще достаточно земли, чтоб обеспечить всех баронских отпрысков, но чем ближе к сердцу старой империи, тем их больше. Что ж, этот, по крайней мере, не позволит мне скучать за время пути.

– Вы не похожи на паломника, сир Хуго, – произнес он нейтральным тоном.

Шварцрабэ встрепенулся:

– Смею на то надеяться! Если я на кого и похож, то только на своего покойного батюшку, но, положила руку на сердце, и на то имеются некоторые сомнения...

– Так отчего же вы отправляетесь в Грауштейн?

– Помилуйте, разве мог я оставаться в стороне, когда в монастыре происходят такие вещи? Замироточила пятка святого Лазаря! Это ли не настоящее чудо?

– Должно быть, микрофоны моего доспеха окончательно вышли из строя, потому что я не улавливаю в вашем голосе надлежащего случая почтения, сир.

Шварцрабэ расхохотался:

– Если я что-то и люблю в этой жизни, кроме вина и партии в карты, так это чудеса, сир инкогнито. Смею заметить,

я не последний знаток чудес, хоть и не имею духовного сана. Признаться, чудеса влекли меня с самого детства. Видимо, в сошествии Духа Господнего мне, как каждому ребенку, чудилось истинное волшебство. Только с возрастом я не утратил любопытства. Более того, я развил это чувство путем постоянных упражнений. И если эти несчастные в лохмотьях, толпящиеся позади вас на пароме, мечтают прильнуть к чуду, чтобы выложить свои немудрящие желания, я собираюсь познать чудо в полной мере. Изучить его и сполна насладиться причастностью к нему.

– Так вы ученый? – с интересом спросил Гримберт.

Шварцрабэ с достоинством кивнул:

– Истинно так. Странствуя по герцогствам и графствам, не имея подходящего занятия, чтобы применить себя, я обнаружил большую тягу ко всякого рода чудесам, где бы они ни происходили. Только за последний год мне попались три, можете себе вообразить?

– А еще говорят, что Божья благодать все реже спускается на землю, – с преувеличенной скорбью вздохнул Гримберт. – Полагаю, чудеса были стоящие?

– Уж можете поверить слову рыцаря, старина! – с готовностью отозвался Шварцрабэ. – Хуго фон Химмельрейх лгать не станет. Не далее как в этом году в одной деревушке под Кобленцом мне рассказали об одном крестьянине, который слег, парализованный, много лет да так и остался недвижим. Лишенный возможности пить и есть, он целыми днями ле-

жал без движения, принимая подношения от добровольной паствы, при этом нимало не теряя в весе! Говорят, местный епископ прочил его в святые! Мыслимо ли, человек, кормясь лишь духовной пищей, сохраняет не только жизнь, но даже румянец на щеках!

– Поразительно, – согласился Гримберт. – Значит, у вас была возможность прикоснуться к истинному чуду?

Шварцрабэ с важностью кивнул:

– Даже более того, мне суждено было явить еще одно. Увидев неподвижного крестьянина, возлежащего среди даров и подношений, я достал свой кнут. С виду это самый обычный кнут, даже непримечательный, только в него вплетен волос из лошадиного хвоста, принадлежавший кобыле, на которой когда-то въехал в Иерусалим сам Готфруа де Бульон. Этой плеткой я и взялся охаживать чудотворца. Тут-то и случилось истинное чудо. Господь не только даровал мученику мгновенное излечение, но и наделил такой скоростью, что тот быстрее зайца выскочил наружу и устремился прочь. Если вычисления «Беспечного Беса» верны, сохраняя дарованную Господом скорость, он должен был достичь Руана самое малое за два часа!

– Невероятно.

Шварцрабэ с наставительным видом поднял палец:

– Чудеса часто бывают непостижимы для грубого человеческого ума без должной теологической подготовки. Однако я в меру сил тщусь их постичь и часто проявляю в этом

недюжинное упорство, так уж у меня душа устроена. Но знали бы вы, как это порой непросто!

– Охотно верю, сир Хуго, охотно верю.

– Вот, скажем, этой весной проезжал я один городок, сейчас уж и не вспомню названия. Тамошний священник тоже сделался чудотворцем. Макал руку в бочонок с обычной водой, утверждая, что тем самым освятил ее, сделав чудодейственной. Эту воду покупали у него три окрестных прихода, расплачиваясь чистым серебром. Говорят, хватало одной капли, чтобы излечить болезнь Гентингтона или запущенную опухоль. Скажете, не чудо?

Гримберт не смог сдержать улыбку.

– Вы и его смогли улучшить?

– Боюсь, что нет, – вздохнул Шварцрабэ, встряхивая флягу, чтобы проверить, сколько там осталось вина. – Напротив, с моим появлением чудо перестало являть себя людям. Рассудив, что раз уж одного погружения руки священника достаточно, чтобы сделать воду чудодейственной, я собрался было погрузить его в бочку целиком. А чтоб вода как следует настоялась, подержать так пару часов – для верности. Я до сих пор думаю, что, если бы мне дали возможность осуществить этот план, одной каплей той чудодейственной воды можно было бы поднимать мертвецов из земли! Увы мне. Сам священник усомнился в моей методе. А сомнение, как вы знаете, худший враг веры. Его сомнение было столь сильно, что вода мгновенно утратила свою силу и с тех пор годи-

лась только для поения коней.

Гримберт с удовольствием рассмеялся. Новый знакомый положительно начинал ему нравиться.

– Значит, теперь вы вознамерились приникнуть к миро-точашей пятке святого Лазаря?

Шварцрабэ кивнул с самым серьезным видом:

– Как я могу пройти мимо, если господин приор уже рас-трубил об этом на все герцогство? Чудеса мимолетны, и я хотел бы успеть изучить его, прежде чем оно закончится. К тому же у данной конкретной пятки есть любопытные дета-ли.

– Не больше, чем у любого другого куска некротизирован-ной плоти в ларце из золота и серебра.

– Ошибаетесь, старина, очень ошибаетесь! Во-первых, это единственная в мире пятка святого Лазаря.

– Вот как?

– Смею вас заверить. Если все дошедшие до меня изве-стия верны, в мире сейчас обретается три головы святого Ла-заря, восемь рук, четыре ноги и самое малое двадцать ребер. Черт возьми, мне остается только восхититься упорством этого парня! Если бы я выглядел таким образом, молил бы Спасителя не воскрешать меня!

– Когда-то у меня был знакомый, который мог бы дать ему фору, – пробормотал Гримберт, предусмотрительно отклю-чив микрофон. – Но едва ли он произвел бы на вас доброе впечатление...

– И только одна! Заметьте – одна! Одна пятка. Мало того, эта пятка даже без ноги пропутешествовала по земле втрое больше, чем я сам за все тридцать лет жизни!

– Это еще как?

– Согласно житию святых, запечатленному преподобным доминиканцем Иаковом Ворагинским, святой Лазарь почил в Марселе, однако его мощи были обретены в самых разных местах, от Ларнаки до Константинополя. Это я и прежде замечал, останки святых ужасно беспокойны, они никогда не могут благопристойно лежать там, где их закопали. Так вот, пятка святого была обретена в землях гордых лехитов далеко на востоке. Там она вела необременительный образ жизни в монастыре местечка под названием Брок, о котором вы наверняка и не слыхали. Однако лет около ста назад ей надоело оставаться на месте, и она тронулась в путь на запад, дойдя до самого Сарматского океана.

– Еще одно чудо?

Шварцрабэ беспечно махнул рукой:

– Чудеса подобного рода встречаются в империи так часто, что не заслуживают упоминания даже в церковном информатории. Обычайшее дело. Пятку из Брока похитили рыцари-лазариты, испытывавшие немалую досаду оттого, что кусок плоти их святого покровителя обретается бог знает где, в диких землях лехитов, вместо того, чтобы, будучи помещенным в надлежащий саркофаг, радовать взоры паствы в местном приорате ордена. Лазариты исправили это до-

садное упущение, и с таким пылом, что чуть было не сожгли до основания сам Брок, а пятку с большими почестями перевезли в Грауштейн, где она скучала еще добрых лет двести, прежде чем принялась творить чудеса.

– Если не ошибаюсь, она замироточила?

Шварцрабэ кивнул:

– Именно так!

– Может, расскажете про это чудо? Мы с моим оруженосцем прибыли издалека и, боюсь, не посвящены в детали.

– Охотно расскажу, сир инкогнито, охотно расскажу. Слушайте, мы знакомы всего несколько минут, а мне уже остроcherтело звать вас инкогнито. Ничто не угнетает так, как невозможность назвать человека по имени. Но раз уж вы сами его отринули... Не против, если я стану называть вас сир Гризео? Знаете, что означает это слово?

– «Серый». Я знаю латынь.

– Под цвет вашего доспеха. Так вот, сир Гризео... Не далее как неделю назад Господь соизволил явить чудо, и пятка святого Лазаря начала источать благословенную мирру.

– Ей полагается смазывать раны? Она исцеляет ожоги?

– Сложно сказать доподлинно, приникать к ней пастве не разрешается. Сами понимаете, если дать толпе лобызать сокровище такого уровня, через два дня ее слижут начисто, как леденец. А братьев-лазаритов едва ли можно упрекнуть в расточительности. Вместо этого паломникам позволено взглянуть на святыню во время торжественной службы, ко-

торуую единожды в день проводит сам приор.

Гримберт ощутил нечто вроде разочарования. Он никогда не испытывал пиетета к святым мощам, видя в них лишь кусок мертвой плоти, заточенный в богато отделанный контейнер, однако привык, что те хоть как-то проявляют свою суть, стремясь завоевать почтение публики. Ключица святого Власия, к примеру, обещала каждому прикоснувшемуся к ней мужчине здоровое потомство и любовный пыл на три года вперед. Указательный перст святого Кириака возвращал зрение слепым и излечивал от подагры. Позвонок из спины святого Лаверия специализировался на глухоте, мигрени и оспе.

Черт возьми, если пятка святого Лазаря не способна вершить чудес, конкурируя со своими именитыми соперниками, монастырю лазаритов не долго купаться в славе!

– Служба? И только-то?

Шварцрабэ цокнул языком:

– Разочарованы? Напрасно. Я имел возможность перебраться парой слов с паломниками, что возвращались наемни с острова, все они как один были необычайно воодушевлены. Точно ангел Господень поцеловал каждого из них в темечко. Дело в том, что во время торжественной службы, проводимой приором, на всех присутствующих снисходит чудо, и силы в этом чуде столько, что многие забываются в молитвенном экстазе, не в силах даже найти нужных слов, а прочие рыдают от счастья. Разве не любопытно?

– Пожалуй, – вынужден был признать Гримберт. – Значит, желаете изучить это явление?

– Жду не дождусь подходящей возможности, – подтвердил Шварцрабэ. – Если это не чудо во плоти, тогда я уж и не знаю, что считать чудом. Я уже вооружил своего «Беса» всеми подходящими датчиками и надлежащим образом их откалибровал. Если под сенью Грауштейна в самом деле происходят чудеса, не позднее завтрашнего дня я буду располагать исчерпывающей информацией о нем.

– Похвальный порыв, – усмехнулся Гримберт. – Но лучше бы вам проявить сдержанность. Не уверен, что братья-лазариты будут счастливы, если вы дотошно запротоколируете все аспекты чуда – некоторые чудеса необычайно стеснительны и не любят скрупулезного изучения.

Шварцрабэ выставил вперед руки в жесте, долженствующем означать нарочитое смирение – черту, которая совершенно не угадывалась ни в его характере, ни в насмешливом блеске серых глаз.

– Помилуй бог, я не собираюсь вторгаться в те сферы, в которых нечего делать смертному! Лишь изучить ту часть чуда, которая изливается наружу. Думаю, мне хватит на это нескольких часов. После чего я погружу «Беса» обратно и отчаю обратно первым же паромом. Досадно лишь, что приходится столько времени ждать ради этого. Я сойду с ума от скуки, если придется сидеть вот так и пялиться в море еще два часа. Слушайте, я тут подумал... А ваш оруженосец, он-

то играет в карты?..

Часть вторая

Грауштейн. Гримберт знал, что на грубом и царапающем языке северном наречии это слово означает «серый камень», и теперь, наблюдая за тем, как на горизонте медленно растет зыбкая громада монастыря, размышлял о том, до чего же цепко некоторые слова прирастают друг к другу.

Приорат ордена Святого Лазаря на острове официально именовался монастырем Лазаревой Субботы, но Гримберту еще не встречался в здешних краях человек, который называл бы его иначе, чем Грауштейном. Монастырь лазаритов исподволь захватил название острова, присвоив его себе, и теперь, ощущая под ногами «Судьи» мягкую дрожь грузовой палубы, Гримберт все больше понимал почему.

Грауштейн. Серый камень.

Остров словно выбирался из моря – этакое оплывшее древнее чудовище, посеревшее от бесчисленных прожитых лет, обточенное океанскими волнами до состояния бесцветного бульжника. Монастырь, примостившийся на его спине, издалека выглядел наростом на шкуре, причудливым моллюском, намертво уцепившимся за каменную плоть.

Говорят, кельты в эпоху своего могущества трижды обрушивались на остров, пытаясь вогнать его обратно в океан вместе с защитниками – и трижды откатывались, бессильные что-либо противопоставить ярости монахов-рыцарей.

Монастырь и сейчас выглядел неприступным. Чем ближе паром подходил к негостеприимному берегу, тем с большей резкостью равнодушные глаза «Судьи» различали высокие стены крепкого камня, узкие хребты контрфорсов и крепостные башни, похожие на изломанные остатки древних костей. Кто бы ни возводил этот монастырь много веков тому назад, он не питал иллюзий относительно того, какая судьба его ждет. В те времена каждый монастырь делался крепостью, и не только крепостью веры.

– Я представлял его меньше, – пробормотал Берхард. – Экая громада...

У него не было механических глаз «Судьи», но, кажется, бывший контрабандист не испытывал потребности в дополнительных оптических приборах. Его собственные глаза и так могли дать фору многим из них.

Гримберт усмехнулся:

– Если ты так говоришь, значит, никогда не видел монастыря Святого Бенедикта госпитальеров или иезуитского Сен-Мишеля. По сравнению с ними Грауштейн – мелкая часовня с частоколом.

– Выглядит достаточно крепким, чтоб выдержать даже небесный огонь.

– Небесный огонь – это миф, выдуманный святошами, чтоб держать в страхе всемогущих сеньоров, – поморщился Гримберт. – Скорее я поверю в то, что земная твердь покоится на трех китах, чем в то, что высоко над нашими голо-

вами располагаются орудия невероятной мощи, способные превратить крепость в россыпь головешек.

– Эти устройства называются орбитальными плазменными платформами, – спокойно заметил Берхард. – И я слышал, что Ватикан сохранил контроль над парой подобных штук.

– Расскажи о небесном огне нашему новому знакомому, уверен, он найдет это занимательным и заслуживающим самого пристального изучения.

Берхард пренебрежительно фыркнул:

– Сиру Нищей Вороне? Благодарю покорно. Кажется, он нашел себе занятие поинтереснее.

– Чем он занят? Я потерял его из виду, как только мы отплыли.

– Насколько я могу судить, толчется среди паломников, пытаюсь сбить перстень из фальшивого золота. Едва ли он в этом преуспеет – судя по всему, здешние почитатели святой пятки никогда не держали в руках больше одного медяка.

– Что ты о нем думаешь?

Берхард задумался. Гримберт знал, что задумчивость однорукого оруженосца редко длится более двух-трех секунд, но к выводам, которые обычно за ней следуют, стоит отнестись со всей возможной серьезностью.

– Вертопрах, бездельник и баламут, – кратко ответил оруженосец. – Но насчет карт не соврал, шельмует ловко. Я подглядел у него пару интересных трюков, которых не знал сам.

– Интересный тип. Вспомнить бы еще, где я слышал это имя...

– Пристрастие к болтовне, картам и вину никому еще не сослужило добрую службу. На твоём месте я держался бы от него подальше, мессир. Такие люди обладают талантом притягивать к себе неприятности.

Берхард был прав, Гримберт и сам сделал подобный вывод. Все эти безземельные рыцари-раубриттеры, сорняки, младшие отпрыски баронского семени, сродни осколкам, которым не сидится в ране. Слишком беспокойные, чтобы удержаться на одном месте, слишком алчные, чтобы обрести сеньора и покровителя, они разносятся током крови по всей империи, образуя в слабых ее местах тромбы и кровотечения. Такие редко заканчивают жизнь в бою, как их титулованные предки, чаще – в нелепом рыцарском поединке или на плахе. И судя по всему, сиру Хуго скорее уготовано второе.

– Согласен. Он выглядит как пройдоха. Не удивлюсь, если в монастырь наведался только для того, чтобы проверить, не удастся ли стащить отсюда какой-нибудь лакомый кусок.

– В таком случае ему придется попотеть, – буркнул Берхард, не сводя взгляда с медленно приближающейся громады Грауштейна. – Последние лакомые куски отсюда, кажется, вынесли еще монастырские мыши лет этак двадцать назад.

Наблюдая за тем, как Грауштейн медленно выплавляет-

ся из гряды Сарматского океана, приобретая объем, Гримберт мысленно согласился с ним. Несмотря на то что до монастыря было еще добрых пять миль, даже с такого расстояния было видно, что монастырь Святого Лазаря знавал и лучшие времена. Монументальные стены, возведенные, чтобы противостоять варварским мортирам и рыцарским клиньям, за прошедшие века не покосились ни на сантиметр, но носили на себе безжалостные признаки упадка сродни следам некроза на человеческой ткани. Их явно давно не подновляли и не ремонтировали, а выглядывающие из-за них суставчатые пальцы крепостных башен выглядели запущенными и нежилыми. Вот уж воистину Грауштейн, безрадостно подумал Гримберт, серый камень на сером камне.

– Выглядит как склеп моей прабабки, – пробормотал Берхард. – Не думал, что орден лазаритов пришел в такое запустение, чтобы перестать следить за своим хозяйством.

– Орден Святого Лазаря переживает не лучшие времена. Но сломали его не бретонцы, велеты, бритты, лангобарды, сарацины, мавры, вестготы, свевы, аланы или вандалы. И уж точно не кельты, терроризировавшие эти края двести лет назад. По-настоящему его сломала Рачья война.

Берхард насупил брови. Проживший всю жизнь в Салуццо, он имел слабое представление о событиях в большом свете и никогда не интересовался политикой Святого престола или императорского двора. Что не мешало ему подчас демонстрировать дьявольскую проницательность, неред-

ко удивляя Гримберта.

– Неудивительно, что единственные претенденты на этот кусок окаменевшего навоза – морские раки.

– Рачьи войны не имеют отношения к ракам.

– Тогда почему они именуются рачьими?

– Знаешь, какой цвет приобретают раки, когда их варят?

– Красный, сдается.

– Да, красный. Как кардинальская сутана. Но дело не только в цвете. Тебе известно, как дерутся раки?

– Не интересовался.

– Они дерутся на самом дне, куда не проникает солнечный свет, среди вечной темноты и холода. Очень ожесточенно, отхватывая друг от друга целые куски. Точно такая же война кипит между досточтимыми прелатами и Отцами Церкви, только о ней не возвещают герольды и выстрелы орудий. Это очень тихая война где-то глубоко на самом дне, о которой мы можем судить лишь по редким всплескам на поверхности, но она бывает такой же ожесточенной, как крестьянский бунт или баронская резня. Епископы и кардиналы тянут одеяло на себя, не обращая внимания на треск швов, а церкви, приходы, кафедры, монастыри и ордена не то фигуры на шахматном столе, не то блюда на обеденном.

– Святоши делят свой собственный пирог, – кивнул Берхард. – Не думай, что я вчера родился, мессир.

– Ты даже не представляешь, насколько они неуютимы в этом занятии! Иногда мне кажется, что их интриги принес-

ли его святейшеству больше головной боли, чем все ереси мира, вместе взятые. Как император в Аахене вечно окружен интригующими придворными, клеветами и вассалами, тщась урвать кусок от имперских земель, воспользовавшись его милостью и оклеветав недругов, так и папский двор безудержно интригует, кляузничает и ведет сам с собой бесконечную игру, которая то возносит вчерашних скромных Отцов Церкви к вершинам власти, то заставляет их низринуться в пучину. Такие же порядки царят среди орденов монахов-рыцарей. Со стороны они могут выглядеть нерушимой христианской гвардией, спаянной преданностью Святому престолу, но на деле...

– Не против отхватить кусок друг от друга?

Гримберт кивнул, отчего «Серый Судья», отозвавшись на этот мысленный порыв, неуклюже качнул бронированной головой. Как и все верные слуги, он готов был выполнить любой приказ своего господина, не размышляя и не колеблясь.

– Да. Именно так. Ордены никогда не испытывали друг к другу особой любви. Занимая земли и приходы, они старательно отмежевываются друг от друга, чтобы не делиться с прочей братией тем, что им от своих щедрот послал Господь. Ищут себе высоких покровителей среди папского двора, безудержно интригуют, клеветают, соперничают, строят козни и наветы... Иногда это так и остается тихой грызней под ковром его святейства, иногда выплескивается в самые настоящие сражения. Не далее как двадцать лет на-

зад картезианцы, объединившись с тринитариями, закатали настоящее сражение под Тулузой зарвавшимся кармелитам. Если верить донесениям моих шпионов, в том бою сгорело по меньшей мере пять дюжин рыцарей, а пехоте и вовсе никто счета не вел.

– Выходит, братьям-лазаритам не очень-то везет в этой игре?

Гримберт едва удержался от того, чтобы пожать плечами. Восприняв это как приказ, «Серый Судья» мог шевельнуться на своем месте, разорвав паутину стяжных ремней и канатов, которые удерживали его на грузовой палубе.

– Орден Святого Лазаря никто не мог упрекнуть в малодушии или трусости. Наравне с прочими лазариты отвоевывали святыни за морем и гибли тысячами в беспрестанных войнах и мятежах. Но они никогда не были особо сильны по части политики. Им не удалось создать мощную партию при папском дворе, обзавестись могущественными покровителями или ссудить деньгами влиятельных сеньоров. По чести говоря, их и к штурму Арбории привлекли только потому, чтобы не отдавать этот кусок пирога госпитальерам или бенедиктинцам – те издавна точили зубы на лангобардские земли...

Берхард отстраненно кивнул, наблюдая за колышущейся за бортом океанской поверхностью.

– Вот как, значит...

– За последние двести лет лазариты здорово утратили

свои позиции. Кое-где им еще удается поддерживать свое присутствие, содержа сильные приораты и дружины монахов-рыцарей, но только не здесь, на северных рубежах. Грауштейн – не твердыня веры, скорее символ былого величия, которому уже никогда не обрести настоящей мощи. Пока случались набеги кельтов, Грауштейн еще мог выполнять роль прибрежной крепости, защищающей континент, но последнего кельта видели здесь во времена моего деда. С тех пор Грауштейн сделался чем-то вроде заброшенного провинциального прихода. Сюда отправляют тех, кто по какой-то причине сделался не нужен ордену на большой земле. Нерадивых священников, древних стариков, бестолковых обсервантов и никчемных братьев-рыцарей.

– Вот почему ты так изумился тому, что этот твой Герард забрался сюда, на край мира?

– Да. Насколько я помню, он всегда был пламенным воином Христовым, но если в окрестностях острова и есть, кому нести слово Господне, так это тунцу – если тот, конечно, еще не издох от зашкаливающего количества аммиака в воде.

– И на какие мысли это тебя наводит?

– Это бегство, – глядя на тягучую, как жидкий свинец, морскую волну, Гримберт ощутил во рту соленый привкус, к которому примешивалась едкая нефтяная вонь. – Приор Герард от чего-то бежал. Так поспешно, что даже не пожал причитающиеся ему лавры.

– Не вздумай льстить себе, уверяя, будто он бежал от тебя.

Как и полагается рыцарю, Берхард хорошо знал уязвимое место его доспеха. Даже безоружный, он умел вогнать в него острый отравленный шип. Гримберт на несколько секунд прикусил язык, чтобы сдержать излишне резкий, рвущийся наружу ответ.

– Не от меня. Но я готов продать половину своей бессмертной души, чтобы узнать – от кого. Если у господина приора есть столь могущественные враги, способные загнать бесноватого монаха на край земли, мне бы очень пригодилась любая информация о них.

– Вылазка, не бой. Ты уже говорил.

– Верно. Будем благопристойными паломниками. Подивимся на чудодейственную пятку старого мертвеца, выслушаем пару-другую поучительных проповедей и, исполнившись божественной благодати, вернемся к привычному ремеслу. Утащив с собой при этом столько информации, сколько окажется возможным.

– Отрадно видеть, что Паук еще не разучился соображать. Я только надеюсь, что он будет вести себя достаточно осторожно, чтобы у монастыря Грауштейн не появилась еще одна святыня в придачу к пятке святого Лазаря.

– Какая? – поинтересовался Гримберт с нехорошим чувством.

– Голова маркграфа Туринского. Едва ли она станет мигроточить, но монастырь Грауштейн еще много лет будет собирать тысячи желающих поглядеть на голову такого идиота.

Это было похоже на танец. Две тяжелые махины сближались так стремительно, что едва не сшибались лоб в лоб, но искусности рыцарей хватало для того, чтоб выдерживать дистанцию, не допуская столкновения.

Они кружили друг вокруг друга, точно голодные хищники, однако выстрелов все не было, оружейные стволы молчали, отчего издали казалось, будто это не поединок, а самый настоящий танец – причудливый танец двух огромных механических тел. Резкие повороты, гул предельно напряженных стальных жил – без сомнения, это был поединок, только по каким-то странным, незнакомым Гримберту правилам.

– Что это еще за кадрили? – осведомился он, наблюдая за диковинным зрелищем с почтительного расстояния, – Если это бой, какого черта они не стреляют?

– Что, никогда не слышали про «Шлахтунг»? – добродушно осведомился Шварцрабэ. – Господи, из какой дыры вы явились, сир Гризео?

Сам он наблюдал за странным поединком с куда большим удобством, расположившись прямо на шлеме «Беспечного Беса», беззаботно, точно мальчишка на черепичной крыше, разве что ногами в воздухе не болтал. На голову он водрузил черный берет без перьев и украшений, в некотором роде даже строгий, но не придававший облику Шварцрабэ ни капли

строгости. Напротив, заставляющий его выглядеть еще более развязным на фоне монастырских обитателей.

Уж этот-то точно не испытывал чрезмерной привязанности к своему доспеху – едва лишь паломники оказались во внутреннем дворе монастыря, как он уже распахнул верхний люк, спеша выбраться наружу. Гримберт не мог его в этом винить – архаичное устройство «Беспечного Беса» не предполагало развитой вентиляционной системы, а дни все еще стояли по-осеннему теплые.

Паромщик не солгал, рыцарей в Грауштейне в самом деле оказалось порядочно. Может, не так много, как бывает обыкновенно на рыцарском турнире, но куда больше, чем обычно оказывается одновременно в каком-нибудь городишке по случаю ярмарки. «Серый Судья», ведший строгий подсчет, сообщил о двадцати шести машинах, вызвав у Гримберта неприятное ощущение тяжести где-то под желудком.

Много. Даже больше, чем он предполагал. Почти все машины щеголяли разлапистыми зелеными крестами на лобовой броне – издалека различимый знак принадлежности к ордену прокаженных. Почитатели мертвеца прибыли отдать должное его пятке.

В большинстве своем эти машины не производили впечатления новых, многие из них были порядком потрепаны – еще одно подтверждение того, что орден Святого Лазаря переживает не лучшие свои времена. Многие орудия выглядели устаревшими, а сигнумы на броне, кажется, чаще исполь-

зовались для того, чтобы скрыть ржавчину и вмятины, чем для того, чтобы продемонстрировать доблесть, при этом...

При этом каждый из них многократно сильнее «Серого Судьи», мысленно закончил Гримберт, разглядывая выстроившиеся шеренгой у монастырских ворот доспехи. Рыцари были недвижимы, орудия опущены, бронекapsулы пусты, однако даже в таком виде они могли произвести серьезное впечатление на всякого, хотя бы немного разбирающегося в военном деле. Даже чересчур серьезное, мрачно подумал он. Две дюжины рыцарей – весомая сила по меркам небольшого графства, и то, что приору Герарду удалось собрать под своим кровом такое воинство, уже внушало определенные опасения.

Если он проколется, если хотя бы в мелочи выдаст себя, приору Герарду достаточно будет бросить слово – и две дюжины бронированных машин разнесут «Серого Судью» в клочья, не дав возможности даже выстрелить. Нелепо думать, будто он сможет оказать сопротивление машинам такого класса.

– «Шлахтунг»? – спросил он у Шварцрабэ, чтобы отвлечься от этих мыслей. – Что это такое?

– Новомодная забава, набирающая популярность в некоторых северных землях. Говорят, изобретение герцога Вюртембергского.

– Не слышал о его рыцарских подвигах, но уверен, его ждет недурная карьера танцмейстера в Аахене.

Шварцрабэ хохотнул:

– Полагаю, герцогу Вюртембергскому просто надоело наблюдать, как рыцари его свиты разносят друг друга в хлам, пользуясь малейшим поводом. Вы ведь сами знаете, как популярны поединки рыцарской чести при дворе. Достаточно тебе чихнуть не в ту сторону – и рядом уже выстроится очередь оскорбленных дуэлянтов.

Гримберт подумал о том, что сиру Черной Вороне, несмотря на заявленную древность рода, едва ли приходилось бывать даже при графском дворе. Но благоразумно не стал обращать на это внимания.

– Вот как?

– Говорят, за одну долгую зиму, когда в Вюртемберге долго не сходил снег, герцогское знамя потеряло три четверти своих рыцарей – и это притом, что никаких военных действий не было! Вообразите себе бешенство герцога, а заодно и сумму, которая ушла на ремонт доспехов. Тогда-то он и придумал «Шлахтунг». Если подумать, в этом даже есть определенный шик.

– Поединок без снарядов? – Гримберт не скрывал сарказма. – О, не сомневаюсь. Отчего бы им просто не вылезти из доспехов и не отхлестать друг друга носовыми платками?

Шварцрабэ явно наслаждался его замешательством.

– У них есть снаряды. Имитационные. По одному на бойца. Но по правилам «Шлахтунга» результативным считается только выстрел, произведенный точно в кабину противника.

Гримберт понимающе кивнул:

– Тогда понятно, отчего они не стреляют. Всего один шанс на победу.

– Принято считать, что в «Шлахтунге» есть своя особая элегантность. Он подходит для тех, кто не привык попусту терзать гашетку, но мнит себя мастером маневра. По правде сказать, для этого требуется очень приличная координация движений, не говоря уже об опыте. Не знаю, чего ради столкнулись лбами эти двое, но новичков среди них нет.

Гримберт склонен был с этим согласиться. Рыцари, ведшие бой на просторном монастырском подворье, явно не были дилетантами в этом странном поединке. Их машины постоянно находились в движении, подчас демонстрируя удивительную для махин такого класса грацию. Лязгали железные члены, грозно шипела гидравлика, тяжелые стальные ступни вышибали из гранитных плит мелкую крошку вперемешку с искрами.

И в самом деле похоже на танец, подумал Гримберт. Натиск, отход, резкий маневр, поворот... Рыцари обступали друг друга, пытаясь неожиданным маневром поймать противника в невыгодной для него позиции, чтоб разрядить оружие в его единственную уязвимую точку, но выстрела все не было – судя по всему, пилоты почти не уступали друг другу в мастерстве, притом что определенно обладали разным стилем.

Тяжелый штурмовой «Хастум» никогда не создавался для

маневренного боя. Как подобает тяжеловесу, созданному в далеких грохочущих кузнях Базеля, нагруженный многими тоннами бронированной стали и неспешный, он не пытался переиграть своего противника в активном маневрировании, понимая, что его силовая установка не создана для подобных нагрузок. Вместо этого он старался одолеть соперника коротким и резким, как бросок аллигатора, натиском, вынуждая того поспешно разрывать дистанцию и уходить в ожесточенную маневренную оборону.

Эта машина явно знавала времена получше нынешних. Даже с почтительного расстояния Гримберт различал многочисленные вмятины и оспины на ее броне – явственный признак того, что ее владельцу довелось пробовать свои силы не только в новомодном «Шлахтунге» с имитационными снарядами. Об этом свидетельствовали и бесчисленные памятные сигнумы, нанесенные краской на броню. Гримберт не мог распознать и половины из них, но, если те, что были ему знакомы, не лгали, эта машина участвовала по меньшей мере в десятке Крестовых походов, что само по себе внушало почтение – и к рыцарю и к его доспеху.

– «Ржавый Жнец», – Гримберт прочел горящую на визоре сигнатуру вслух. – Чертовски подходящее имя, как по мне.

– Если мне не изменяет зрение, на его доспехе волк в красно-белую клетку, – Шварцрабэ в задумчивости потер узкий подбородок. – Это значит, он из Моравии. Тамошние рыцари славятся как славные рубаки, хоть и тяжелого нрава. По-

моги святая пятка его противнику...

Противником «Жнеца» была машина совсем другого класса, и это сразу бросалось в глаза. Штучная сборка, мгновенно определил Гримберт, так не похожая на грубые, похожие на тяжелые, лязгающие волчьи капканы, машины из Базеля. В ее основе угадывался «Сангус» – стремительная машина среднего класса работы мастеров из Инсбрука. Она определенно не создавалась для штурма хорошо подготовленной обороны или осады и оттого не несла на себе ни тяжелых, прикрывающих со всех сторон бронированных плит, ни огромных мортир. Проворная, обладающая отменной маневренностью, она ни мгновения не оставалась в неподвижности и в этом походила на хищную осу, выющуюся вокруг более неповоротливого и тяжелого противника.

Если верить цифровой сигнатуре, машина именовалась «Варахиил», и Гримберт лишь усмехнулся самонадеянности хозяина, имевшего дерзость окрестить свой доспех именем архангела. Впрочем, усмешка быстро сошла с его лица. «Сангусы» не стяжали себе во франкской империи значительной славы, они считались капризными и сложными в управлении машинами, не прощавшими ошибок и требующими недюжинной подготовки. Но Гримберт знал истинный потенциал этих машин и всегда воспринимал в качестве опасных противников. Рыцарь, способный овладеть управлением «Сангусом» на должном уровне, в бою стоил троих. И судя по тому, как двигался этот, носящий звучное имя

«Варахиил», его владелец был отнюдь не новичком.

«Варахиил» бесстрашно встречал натиск «Жнеца», как тростинка встречает порыв тяжелого ветра. Ни мгновения не оставаясь на месте, он непрерывно маневрировал, пользуясь тяжеловесной статью своего оппонента, ловко разворачивался, укрывая уязвимую кабину от атаки, и сам стремительно контратаковал, вынуждая того самого уходить в оборону. Тонкая броня «Варахиила» была выкрашена в белый и золотой цвета. Изогнутые и тонкие бронепластины не были предназначены для того, чтоб выдерживать шквал вражеского огня, но они даровали рыцарю изящество, не свойственное смертоносному инструменту. Если «Жнец» походил на заряженный волчий капкан, ждущий удобного случая, чтоб смять противника и уничтожить, «Варахиил» был белоснежной лилией, танцующей на ветру, но Гримберт, наблюдавший за поединком, хорошо сознавал, что это отнюдь не безобидный цветок...

– Ах черт, недурно, недурно... – Шварцрабэ восхищенно треснул кулаком по броне своего «Беса». – Слушайте, любезный сир Гризео, а не побиться ли нам об заклад? По маленькой, пять монет. Я бы, пожалуй, поставил на «Варахиила». Что скажете?

Гримберт поморщился. Сир Хуго обладал определенным обаянием, что делало его интересным собеседником, однако своим непринужденным и даже легкомысленным поведением зачастую привлекал к себе излишне много внима-

ния. Того самого внимания, которого Гримберт собирался по возможности избегать, оказавшись в логове лазаритов. Он с удовольствием позабыл бы об их знакомстве, приступив к прощупыванию почвы, кабы не сам сир Хуго. Тот вел себя так, будто они с Гримбертом были давними приятелями, так что стоило «Серому Судье» сойти с парома, как «Беспечный Бес» сделался его постоянным спутником. Это не причиняло неудобства – комментарии Шварцрабэ зачастую были ядовиты, но остроумны, – однако иногда сбивало с толку.

– Спасибо, воздержусь, – немного сухо отозвался Гримберт.

– Боитесь повредить своей рыцарской добродетели, участвуя в азартных играх?

– Боюсь остаться без гроша в кармане. А этим неминуемо закончится, если я примусь делать ставки всякий раз, когда увижу очередных болванов, затеявших поединок черт знает из-за чего.

Внутренне он был согласен со Шварцрабэ. Поединок еще не был закончен, но опытный рыцарь всегда знает, на что обратить внимание. «Ржавый Жнец» ни на минуту не прекращал натиска, но сразу делалось ясно, что он не обладает достаточной выносливостью, чтобы развить его, обратив в победу. Тяжелая громада из щербатого металла быстро теряла дыхание, чего нельзя было сказать о ее противнике.

«Варахиил» стремительно отходил в сторону, беспрестанно маневрируя, сбивая «Жнецу» прицел и уклоняясь, закру-

чивая своего неповоротливого оппонента в сложном танце из постоянных финтов, ложных выпадов и контратак. Раз за разом «Жнец» устремлялся вперед, пытаясь смять его оборону, но этот натиск быстро ослабевал, когда выяснялось, что никакой обороны и нет. Способный в одиночку крушить крепостные стены, он тщетно пытался поразить пустоту, активно работая орудийными стволами и раз за разом неумолимо опаздывая.

Гримберт даже посочувствовал этому неукротимому стальному зверю, опаленному множеством битв. В обычном бою «Жнец» еще смог бы потягаться с «Варахиилом», обратив против него свою чудовищную огневую мощь, но новомодный «Шлахтунг» с его хитрыми правилами не оставлял ему шансов. Едва ли мироточащая пятка святого Лазаря способна была свершить чудо.

В стороне от сражающихся выстроились шеренгой другие доспехи, но ни один из них не обладал чертами, которые могли бы заинтересовать Гримберта. Наметанный глаз быстро вычленил из пестрого сборища разномастных машин два или три десятка с бросающимся в глаза зеленым крестом, знаком принадлежности к воинству Святого Лазаря, больше похожих на свору отощавших бездомных собак. Однако прочие доспехи на их фоне едва ли выглядели сверкающими жемчужинами. Это были сплошь устаревшие машины, худо-бедно подлатанные и зачастую несущие на себе неуместно броские гербы.

– Судя по всему, здесь собрался сброд со всех окрестных графств, – Гримберт заставил динамики «Судьи» звучать так тихо, чтоб голос разобрал только Берхард. – Только взгляни на весь этот хлам! Я удивлен уже тем, что все они смогли дотащить до Грауштейна, не развалившись на части!

– Младшие баронские сыновья, – столь же тихо отозвался оруженосец, глядевший на схватку без особого интереса. – Самое жадное, нетерпеливое и никчемное племя в здешних краях. Не имеющие ни земли, ни денег, они зачастую устремляются туда, где что-то происходит, в надежде урвать хоть толику славы или золота, и неважно, что это, мелкий мятеж, война или явление чуда.

Хорошо, что этого не услышал поглощенный поединком Шварцрабэ, иначе наверняка бы воспринял на свой счет.

– Разве более титулованные рыцари не собираются почитать Грауштейн своим присутствием? Я не вижу ни одного графского герба.

– Их и не будет, – заверил его Берхард. – Какому уважающему себя сеньору придет в голову тащить в этот медвежий угол, чтобы полюбоваться на чертову пятку? Уверяю, мессир, все окрестные графья прекрасно знают цену этому чуду. Не будь в этом захудалом монастыре пятки святого Лазаря, замироточило бы хоть даже и тележное колесо. Этот твой приятель Герард попросту пытается поправить состояние своего приората, зазвав побольше паломников. Неудивительно, что стягиваются сюда такие же братья-монахи, как

он сам, и прочая шваль. Едва ли ему удастся много выручить с этой задумки.

– Не ляпни чего-то подобного в присутствии священника, – посоветовал ему Гримберт. – Иначе тебе несдобровать. Уверяю, эти господа в рясах относятся к своему чуду самым серьезным образом, а огневой мощи «Судьи» не хватит, чтобы сдержать это ржавое воинство.

– Не буду, – буркнул Берхард. – А теперь, если позволишь, я отведу мулов в конюшню и попытаюсь раздобыть для них хоть бы горсть сена. Чертовы твари боятся грохота.

– Отведи. И заодно постарайся выведать по пути все, что удастся. Если хозяйством у них занимаются облаты или обсерванты, еще лучше. Может, эти будут поболтливее самих монахов.

Берхард удалился, ведя под узду мулов. Бросив взгляд на площадку, Гримберт заметил, что рисунок боя немного изменился. «Жнец» отчаянно пытался сохранить за собой инициативу, но та утекала, как вода из пробитого радиатора. «Варахиил» ожесточенно атаковал его с разных сторон, пытаясь подгадать момент, когда шлем тяжеловеса окажется на траектории огня его орудий. И судя по всему, ждать оставалось недолго.

– Глубокоуважаемые! – Шварцрабэ приставил ко рту ладони, обращаясь к наблюдающим за поединком зрителям общим числом в несколько десятков. – Не будет ли кто-нибудь из вас любезен сообщить, что за славные рыцари сошлись в

схватке, а также повод, который свел их вместе?

Гримберт поморщился, и было от чего. Большую часть зрителей составляли сами же монахи, некрозные слуги святого Лазаря. Вернее одинаковых коричневых ряс их выдавала благословенная печать лепры, намертво въевшаяся в лица. Удивительно, что болезни, осененной славой святого, была свойственна истинно дьявольская изобретательность. Она никогда не оставляла одинаковых следов, всякую свою жертву уродуя по-своему, на оригинальный манер. Лица некоторых представляли собой подобие свисающей клочьями гнилой мешковины, другие же, напротив, были чисты, если не считать зловещего потемнения на лбу, жутковатого загара, возвещающего о скором поражении плоти. У некоторых болезнь пожирала носы, оставляя на их месте хлюпающие провалы, или челюсти, превращая рты в подобие открытых кровоточащих язв. Некоторых монахов лепра скручивала, будто пытаясь свить из них пряжу, или, наоборот, превращала в подобие туго налитых скверной бурдюков.

Наблюдая сквозь визор «Судьи» за норвящими заживо слезть скальпами, перекрученными костями и жуткими ухмылками, Гримберт искренне поблагодарил Господа за замкнутый цикл очистки воздуха, благодаря которому он сам оставался в безопасности. Шварцрабэ, судя по всему, лучше фильтрационных установок охраняла его собственная беспечность.

– Тот, который на «Ржавом Жнеце», это сир Томаш фон

Глатц. А на «Варахииле» – сир Анжей Ягеллон по прозвищу Стерх из Брока.

Ответивший Шварцрабэ не был монахом, кожа его была чиста. Да и не в характере братьев-лазаритов было облачаться в расшитые колеты с пышными воротниками. Это облачение не могло скрыть необычайно дородную фигуру, живот которой безжалостно выпирал под много раз чиненным и штопанным бархатом. Вот ведь увалень, подумал Гримберт с мимолетной брезгливостью, хотел бы я знать, сколько оруженосцев требуется, чтоб запихать брюхо этого рыцаря в доспех?

– Хуго фон Химмельрейх, странствующий рыцарь, – отрекомендовался Шварцрабэ, с легкостью спрыгивая вниз и протягивая руку толстяку. – К вашим услугам, сир.

– Фран... Сир Франц Бюхер. К вашим!

От Гримберта не укрылось замешательство юнца, как и легкая дрожь его пухлой руки в цепкой хватке Шварцрабэ.

– Если не секрет, сир Франц, сколько полных лет вы прожили на белом свете?

Должно быть, сиру Францу не раз задавали этот вопрос, его пухлые щеки осветились изнутри румянцем.

– Достаточно, чтобы быть посвященным в рыцари.

Лет семнадцать, прикинул мысленно Гримберт. Сущий молочный поросенок. Человек, посвящавший тебя в рыцари, или был в плохом расположении духа, или отличался редким остроумием. В Турине я приказал бы срезать с твоей жирной

спины два-три ремня, если бы ты только осмелился подойти с тряпкой к «Золотому Туру». А тут – подумать только – рыцарь!

Однако Шварцрабэ, похоже, был далек от подобных мыслей.

– Не сомневаюсь, сир Франц, не сомневаюсь! – Он потряс руку толстяка, может быть, излишне энергично, но с выражением искреннего восхищения на лице. – Более того, уверен, что, если бы нам пришлось сойтись в поединке, вы бы задали мне славную трепку!

– Признаться, я... Не очень-то опытен в поединке. Меня посвятили лишь год назад и...

– Прискорбно, что скромность не значитя среди семи христианских добродетелей, – заметил Шварцрабэ. – Иначе вы бы непременно стали ее земным воплощением.

Румянец Франца Бюхера стал гуще.

– Я... Мой доспех стоит на правом фланге, второй с краю. Зовется «Стальная Гора».

Взглянув в указанном направлении, Гримберт лишь беззвучно выругался. Сооружение, неудачно названное Францем «Стальной Горой», являло собой немалое сходство со своим хозяином – нелепое нагромождение брони и разномастных орудий, многие из которых, судя по всему, были изношены настолько, что представляли собой скорее причудливое украшение, чем инструмент боя.

Однако Шварцрабэ цыкнул зубом с таким выражением,

будто увидел самого «Великого Горгона», не меньше.

– Недурная машина, – заметил он тоном знатока. – Тонн пятнадцать?

– Восемнадцать.

– Силовая установка – дизель?

– Два двухтактных. Это... старая модель.

– Старая – значит, проверенная временем! Ох, совсем забыл представить вам моего приятеля, сира Гризео и его «Судью». Сир Гризео – тот еще молчальник, однако обладает зорким глазом и острым языком, что подчас важнее пушек. А теперь, когда мы свели наконец знакомство, умоляю, сир Франц, утолите наше любопытство, рассказав, что здесь происходит и какому поводу мы обязаны за столь интересное зрелище.

А он не дурак молоть языком, подумал Гримберт с некоторой уважительностью. И льстить. Он не знаком с Францем и минуты, а тот уже пыжится от гордости и, судя по всему, готов рассказать все на свете, включая количество бастардов своего папаша. Пожалуй, с этим Шварцрабэ надо поосторожнее, он определенно относится к тем людям, которые способны вскрыть чужую броню без кумулятивных снарядов.

– Сир Ягеллон вызвал на поединок сира Томаша, но приор Герард запретил использовать на территории монастыря настоящие снаряды, вот они и остановились на «Шлахтунге».

– Так вы знаете обоих?

– Познакомились немного в пути, – судя по смущенному кивку их нового знакомого, уже этот факт казался ему поводом для гордости. – Прибыли вместе на вчерашнем пароме.

– Значит, эти двое всего за день нашли повод для размолвки? Неплохо! Совсем неплохо! – Шварцрабэ сверкнул глазами. – Надеюсь, здесь была замешана какая-то темная история с прекрасной дамой? Какие-то мрачные родовые тайны? Нет ничего хуже поединков под надуманным предлогом, порожденных скукой или тщеславием.

– Сир Томаш и сир Ягеллон не сошлись во взглядах на веру, – уклончиво ответил Франц. – Сир Ягеллон не смог согласиться с высказыванием сира Томаша касательно Пресвятой Богородицы, что и послужило причиной вызова.

– Подумать только! – восхитился Шварцрабэ. – Во времена моей молодости среди рыцарей было обычным делом вызывать друг друга на бой из-за пролитой кружки пива или мимолетной пощечины. Отрадно видеть, что нынче господа рыцари ломают копья из-за вопросов веры, точно ученые святые отцы.

Франц смутился еще больше.

– Мне кажется, предмет их спора был далек от теологии, – пробормотал он. – Сир Томаш – старый воин и иногда допускает несдержанность, особенно когда находится в дурном настроении, как сегодня. Сир Ягеллон помянул с благодарностью Деву Марию, на что сир Томаш, маявшийся мигренью, заметил, что не видит в Житии Богоматери никаких чу-

дес. По его словам, он знал в Брно одну чистую непорочную девицу, которая отличалась всеми мыслимыми добродетелями, выстаивала все службы в церкви и исповедовалась раз в неделю, при этом отличалась невинностью голубки, однако это не мешало ей рожать аккуратно раз в год, что твоей лошади.

– Весьма неосторожное замечание, – заметил Шварцрабэ делано небрежным тоном. – Что ж, мир огромен и многолик, сир Бюхер, и иногда эти лики способны запутать кого угодно. Мне доводилось видеть маркитанток, скромных, как монахини, и монахинь, обладающих такими пороками в самых низменных человеческих сферах, что могли бы сойти за дьяволиц. Однако...

– Бога ради, не сейчас! – одернул его Гримберт. – Кажется, бой вот-вот закончится.

* * *

Он оказался прав. Поединок продлился еще двадцать секунд или немногим более того. «Ржавый Жнец» устремился было в решительное наступление, оттесняя массивным корпусом своего более легкого противника, и в какой-то момент Гримберту даже показалось, что тот откроется, подарив сир Томашу победу. Но он недооценил сира Ягеллона, кем бы тот ни был.

Мастерским движением тот крутанулся вокруг своей оси,

так легко, будто управлял не многотонной боевой машиной, а соломенной куклой. И прежде чем медлительный «Жнец» успел сориентироваться, все уже было кончено – орудие «Варахиила» выплюнуло короткий оранжевый язык пламени. На фоне лязга стальных доспехов и грохота брусчатки выстрел прозвучал негромко, но бой мгновенно прекратился сам собой. «Ржавый Жнец» замер почти тотчас. На его глухом тяжелом шлеме темнела небольшая угольно-черная опалина, почти незаметная на фоне многочисленных шрамов и отметин на броневой стали, но поставившая неумолимую точку в поединке – безжалостный символ поражения.

– Прощайте, мои пять монет, – вздохнул Шварцрабэ, укоризненно поглядывая на «Серого Судью». – Что ж, могу засвидетельствовать, что победа была славной и совершенно честной.

Монахи-рыцари встретили эту победу молча, не проявляя чувств. Кажется, единственным из присутствующих, на кого она по-настоящему произвела впечатление, был Франц Бюхер. Он заворуженно наблюдал, как боевые машины, раскаленные после боя, медленно опускаются наземь, окутанные клубами пыли и пара. Ни дать ни взять, сейчас представлял себя на месте победителя, позволив воображению пририсовывать к этой упоительной картине восторженных дам и лавровые венки.

Сопляк, подумал Гримберт, испытывая более раздражение, чем злость. Простодушный сопляк, начитавшийся ры-

царских романов и ждущий очереди проявить себя. Такие обычно долго не живут, восторженность и романтизм – худшие спутники для раубриттера. С другой стороны, никогда не знаешь, как тобой распорядится судьба. Вдруг Францу встретится на жизненном пути щедрый сеньор, готовый возложить на него необременительные обязанности – и тот встретит старость в собственном, пусть и небольшом, замке, окруженный многочисленными отпрысками и теплом семейного очага...

Сир Ягеллон соскочил на землю легко и изящно, почти беззвучно, оправдывая свое прозвище – Стерх из Брока. В нем и верно угадывалось нечто птичье, быть может, из-за худощавой фигуры, по-орлиному внимательного взгляда и какой-то холодной сдержанности, свойственной многим хищным птицам. Облачен он был в щеголеватый комбинезон, расшитый серебряной и золотой нитью, но наметанный глаз Гримберта мгновенно определил, что его броскость – скорее заслуга портного, чем свидетельство платежеспособности хозяина. На комбинезоне угадывались аккуратно зашитые прорехи и потертости, безжалостные признаки того, что сир Ягеллон знал и лучшие времена. Еще более явственным признаком было то, что к раскаленному после боя «Варахиилу» не устремились слуги и оруженосцы, спешащие проверить уровень масла, заменить смазку и смахнуть с золоченой брони вьевшуюся пыль. Однако сир Ягеллон держался с таким холодным достоинством, будто и вправду был

орлом в окружении облезших ворон.

Держится как граф, подумал Гримберт, хотя по всем признакам – такой же нищий раубриттер, как и все прочие, собравшиеся здесь. Но, без сомнения, опасный противник, раз умеет использовать возможности своего доспеха на все сто процентов.

Насколько «Жнец» и «Варахиил» представляли собой совершенно разные машины, настолько и их хозяева не походили друг на друга, более того – являли собой полную противоположность.

Хозяин «Ржавого Жнеца» вывалился из кабины тяжело, как куль с отсыревшей мукой. Сир Томаш фон Глатц выглядел так, словно его несколько дней растягивали на дыбе, разрывая и дробя каждый сустав и каждую кость. Скособоченный, чудовищно сутулый, подволакивающий ногу, он двигался с тяжелой порывистостью старого механизма, который, даже будучи предельно изношенным, все еще остается на ходу. Но страшнее всего было его лицо, походившее на бледно-багровую маску, состоящую, казалось, из сплошной рубцовой ткани, перекошенную и туго натянутую на череп. Одна глазница запеклась в коричневой корке застарелого ожога, из другой на мир тяжело и сердито взирал глаз с неестественно белой радужкой, будто бы выжженный изнутри.

– Поздравляю с победой, юноша, – хрипло бросил он Ягеллону, невозмутимо стоящему возле своего доспеха. – Заверяю, будь я лет на пять моложе, она не далась бы вам

столь легко!

Ягеллон взглянул на него с истинно птичьим безразличием, как смотрят обычно на деталь обстановки, не имеющую особенной важности.

– Надеюсь, пять лет назад вы внимательнее следили за своим языком.

Томаш заворчал, глядя на своего соперника исподлобья:

– Самодовольный павлин... Думаете, этот балет, который вы называете поединком, хоть в малейшей мере похож на настоящий бой? Что вам знать об этом?

И без того бледная кожа Ягеллона приблизилась на пару тонов к холодному мрамору.

– Благодарю за бой. Я обязательно извещу вас, если захочу узнать ваши соображения касательно этого.

Но если он хотел охладить пышущего жаром Томаша, то лишь зря тратил время.

– Бой – это не проклятые пируэты! – тот осклабился. – Это испепеляющий огонь, бьющий вам прямо в лицо! Это земляные валы и эскарпы! Это бронепойные батареи, кроющие фланговым, и горящая нефть под ногами! А вы...

Пожалуй, эти двое сейчас вцепятся друг другу в глотки, злорадно подумал Гримберт, даже без доспеха. Чувствуется, что оба напряжены, видно, долгое ожидание Грауштейнского чуда не наделило их души христианским смирением.

Шварцрабэ выскочил, словно чертик из табакерки. Гибкий, подвижный, улыбающийся, в своем щегольском и

неуместном берете, он очутился между Ягеллоном и Томашем так легко, будто был закадычным приятелем обоих.

– Превосходный бой! – с жаром произнес он, пожимая руки, которые отнюдь не стремились ему навстречу. – Признаться, прежде я самонадеянно мнил себя человеком, разбирающимся в «Шлахтунге», но теперь вижу, что не гожусь вам обоим даже в подметки. Какой бой! Потрясающе, просто потрясающе. Если бы некрозные братья сообразили взимать плату со зрителей за его просмотр, то завлекли бы в Грауштейн куда больше паломников, чем какая-то пятка. Сир Хуго фон Химмельрейх – к вашим услугам! Так уж случилось, что у меня в кармане завалялось несколько монет, и я охотно потрачу этот капитал на кислое монастырское пиво, чтоб sprysнуть эту славную победу и заодно выслушать ее детали от участников. Что скажете?

Его слова не нашли горячего отклика. Томаш молча вырвал руку и заковылял к своему доспеху, что-то нечленораздельно бормоча на ходу. Двигался он так, будто в его позвоночнике не осталось ни одного целого позвонка, а во внутренних со стороны на сторону перекачивался тяжелый чугунный шар.

Кусок упрямой плоти, подумал Гримберт с каким-то болезненным уважением. Явно провел в доспехе не один десяток лет, тот украшен сигналами битв со всех сторон, точно птичьим пометом.

– Благодарю за приглашение, – Ягеллон взглянул на

Шварцрабэ без злости, но явственно подчеркивая сухостью голоса разделяющую их пропасть. – Однако вынужден его отклонить. С минуты на минуту господин приор возвестит о начале службы, а мне бы не хотелось пропустить литургию, восседаая за кружкой.

Он вежливо кивнул им и тоже удалился, неестественно прямой, с высоко поднятой головой.

Даже не орел среди ворон – павлин на курином подворье, с желчной усмешкой подумал Гримберт, прав был старый Томаш. Судя по говору, безусловно лехит, да и черты подходящие. И, как все лехиты, пыжится от гордости, несмотря на то что беден как церковная мышь. Если бы хотя бы часть его гонора можно было переплавить в золото, он стал бы богаче императорского казначея.

– Что думаете? – осведомился Шварцрабэ у Гримберта и Франца, потирая руки.

То, что его предложение оказалось отклонено, кажется, немало его не огорчило. Вероятно, все поражения в своей жизни сир Шварцрабэ привык встречать с легкостью и улыбкой. Гримберт мрачно подумал о том, какую улыбку тот выжал бы из себя, доведись ему побывать в шкуре маркграфа Туринского.

– Думаю, старый рубака прав. Лет пять назад этот поединок мог закончиться иначе.

Шварцрабэ взглянул на него с веселым изумлением:

– «Старый рубака», сир Гризео? Хотите сказать, вы его не

узнали?

– Я недавно в этих краях, – осторожно ответил Гримберт. – И не имею удовольствия быть знакомым со здешними рыцарями даже заочно.

– Я сразу заподозрил, как только увидел все эти бесчисленные сигнумы, и только сейчас вспомнил. Это ведь Красавчик Томаш из Моравии, не так ли, сир Бюхер?

– Совершенно верно, – пухлый Франц попытался кивнуть с небрежным достоинством, как взрослый. – Это он и есть.

– Досадно, что мне не удалось толком перебраться с ним словом!

– Ну и кто таков этот Томаш? – сухо поинтересовался Гримберт. – Хотя подозреваю, что Красавчиком его нарекли не случайно, в этом качестве он затмил бы многих известных мне сердцеедов.

Шварцрабэ искренне рассмеялся:

– Вы сразу понравились мне за свое чувство юмора, старина. Сир Томаш фон Глатц, быть может, не первое копьё герцогства, но определенно пользуется известностью.

– Он похож на старого скотобойца, а не на рыцаря.

– Это потому, что каждая битва, в которой он принимал участие, отщипнула от его фигуры кусочек мяса.

– Он в самом деле побывал в таком количестве битв, как говорят сигнумы на его броне?

– В самом деле, – кивнул Шварцрабэ. – Говорят, если в какой-то битве не присутствовал случайно Красавчик Томаш,

она впоследствии признавалась несостоявшейся. Что говорить, я слышал, за ним числится два десятка Крестовых походов. Два десятка!

– Это... заслуживает уважения, – вынужден был признать Гримберт. – Но едва ли симпатии. Мне он показался весьма... грубым.

Шварцрабэ щелкнул языком:

– О, нрав Томаша – притча во языцех! Голодный стервятник на его фоне – знаток придворных манер и такта. Однако я могу понять его. Для вас или для меня война – дело чести или долга. Неприятное и довольно редкое событие, о котором позволительно вспоминать лишь за трактирным столом в окружении друзей, уснащая вымышленные истории гроздьями спелых метафор. Для него же война – нечто другое. Это ремесло, которому он посвятил всю свою жизнь без остатка.

– Не похоже, чтобы оно обеспечило его старость.

– Еще одно подтверждение тому, что слухи часто безосновательны, мой друг сир Гризео. Многие за глаза считают сира Томаша беспринципным головорезом и охочим до золота старым разбойником, но мы с вами имеем возможность убедиться в обратном. Как видите, выбранная им стезя не покрыла его ни славой, ни златом. Однако среди прочих рыцарей его выделяет одна важная черта. Стоит папскому легату взяться за горн, возвещая начало очередного похода в сердце Антиохии, чтоб вразумить неразумных еретиков, как сир

Томаш уже захлопывает люк своего «Жнеца», пока все прочие еще только полируют шпоры. Бьюсь об заклад, он может рассказать немало интересного о своей жизни и свершениях, вот только редкий миннезингер захочет украсить подобными деталями свою «крестовую песнь»...

– А я бы не отказался послушать. – Франц все еще не мог оторвать взгляда от неуклюжей громады «Жнеца». – Уверен, многие истории сира Томаша весьма поучительны.

Хоть он попытался произнести это нарочито нейтральным тоном, Гримберт едва не прыснул в микрофон, до того детским сделалось в этот миг лицо владельца «Стальной Скалы».

Пожалуй, этим тебе и следовало заняться, подумал он, сидеть, держась за мамашину юбку, и слушать истории о славных рыцарях, утверждающих добродетель и веру силой своих орудий, вместо того, чтоб шляться в компании раубриттеров в поисках не нужных приключений. Буде необходимость, этот Томаш сожрет тебя как спелый инжир, не жуя, и даже не спросит, как звать.

– Никогда бы не предположил, что в этом человеке бьется сердце истого христианина, – произнес он вслух, чем вызвал у Шварцрабэ очередной приступ веселья.

– Христианина? Помилуй вас Бог, сир Гризео! Как говорят в Моравии, если Красавчику Томашу вздумается исповедоваться, священник поседет еще до того, как тот дойдет до момента, как научился ходить. Вот почему я меньше все-

го на свете ожидал повстречать его тут, в Грауштейне.

– Запоздалое раскаяние? – предположил Гримберт с усмешкой. – Говорят, на закате жизни даже разбойники испытывают желание очистить душу. Вам ведь доводилось слышать про некоего Варавву?..

Шварцрабэ фыркнул:

– Скорее вы найдете жемчужину в навозной куче, чем душу – в Красавчике Томаше.

– Однако же он зачем-то явился в Грауштейн. Неужто тоже жаждет лицезреть святыню лазаритов?

– Хотел бы я знать, старина, – отозвался Шварцрабэ задумчиво. – Признаться, с этой целью я и собирался накачать старого разбойника пивом, чтоб выведать это, да, видно, не судьба...

Заглушая его, над монастырем поплыл тягучий и густой, как варенье, медный звон благовеста. Паломники на монастырском подворье встрепенулись и плещущей людской волной стали стягиваться в сторону громады собора, на вершине которой уже не умолкая бил колокол. Рыцари-монахи, стоявшие наособицу, тоже бросились бежать, но не к собору, а в сторону шеренги орденских доспехов.

– Пора бы и нам... – Франц двинулся в сторону своей развалюхи с грозным названием. – Увидимся после службы!

– Так уж обязательно напяливать на себя эту груду железа? – осведомился Шварцрабэ недовольным тоном, который показался Гримберту немного наигранным.

– Приор Герард настоятельно просил всех рыцарей прибыть в надлежащем облачении.

Шварцрабэ неохотно положил руку на ступени «Беспечного Беса» и возвел глаза вверх.

– Церковные службы всегда навевают на меня дремоту, – пожаловался он. – Пятка святого Лазаря явит истинное чудо, если я не засну. Не сочтите за труд, сир Гризео, рывкните на третьем канале, если я вдруг вздумаю храпеть.

– Если только сам не усну, – пообещал Гримберт. – Если что и интересует меня меньше всего, так это здешний приор и его сказки.

Удивительно, но ложь на освященной монастырской земле далась ему без напряжения, проскочив сквозь горло легко, как протеиновая смесь сквозь гастростомическую трубку. Разве что во внутренностях что-то легко задребезжало, точно лежащие там осколки души отозвались вибрацией тягучему колокольному звону.

Часть третья

– Был болен некто Лазарь из Вифании, из селения, где жили Мария и Марфа. Мария, брат которой был болен, была той, кто помазала ноги Господа миром и отерла волосами своими. Сестры послали ее сказать Ему: «Господи! Вот лежит тот, кого ты любишь, при смерти...»

Болезнь не пощадила лица приора Герарда, в этом Гримберт убедился с немало сдерживаемым злорадством, едва лишь только началась литургия. И прежде похожее на скверно пропеченный мясной пирог, сейчас оно являло собой столь неприятную картину, что подчас отводили взгляды даже стоящие вокруг алтаря юные послушники в расшитых золотом одеждах.

Возрастом немногим младше Франца, они уже были посвящены в орден Святого Лазаря, что подтверждалось почти невидимой печатью лепры на их лицах – неестественно темными, будто от загара, лбами, маленькими, сочащимися влагой бугорками на щеках и пигментными пятнами причудливых очертаний. Гримберт знал, что они не испытывают боли, болезнь в первую очередь милосердно убивает нервные окончания, но останется ли крепка их вера, когда лица начнут бугриться, будто пытаясь слезть со своих мест, носы провалятся, а кожа покроется гноящимися рубцами?

– Иисус говорил о смерти его, а они думали, что Он го-

ворит о сне обыкновенном, – приору Герарду не было необходимости заглядывать в книгу, которую он держал в руках. Без сомнения, он знал содержание Евангелия дословно. – Тогда Иисус сказал им прямо: «Лазарь умер! И радуюсь за вас, что меня не было там, дабы вы уверовали, но пойдем к нему».

Печать благословенной лепры въелась в его лицо столь глубоко, что почти начисто стерла с него всякое сходство с человеческим, превратив в подобие разбухшей и местами тронутой гниением картофелины. Чтобы дать своему приору возможность смотреть на мир собственными глазами и членораздельно говорить, лекарям ордена пришлось предпринять немалые усилия. Все лицо Герарда было усеяно выпирающими из некрозных складок стальными стяжками, штифтами и заплатами. Кое-где они были посажены на грубые винты, кое-где уходили прямо в разбухшую плоть и были тронуты ржавчиной. Гримберт мрачно подумал о том, что если бы из лица многоуважаемого прелата вытащить эти несколько фунтов засевшей в нем стали, оно, пожалуй, шлепнулось бы целиком на пол подобно медузе.

Стоящий посреди алтарного возвышения, с Евангелием в руках, в простой холщовой альбе, подпоясанной веревкой, приор Герард в своей мрачной торжественности напоминал багряноликого ангела, явившегося возвестить наступление Страшного суда, и это жутковатое сходство усиливалось горящим взглядом его гноящихся глаз. Наткнувшись на этот

взгляд, вздрагивали даже выстроившиеся вдоль нефа стальные фигуры, закованные в латную броню. Пожалуй, этот человек мог бы броситься на штурм Арбории безо всякого доспеха, подумал Гримберт, испытывая болезненные до скрежета судороги мышц, и разогнать вооруженных еретиков одним лишь словом Божиим.

– Иисус, придя, нашел, что Лазарь уже четыре дня во гробу...

Торжественная литургия в честь снисхождения чуда на Грауштейн началась не так, как ожидал Гримберт. Приор Герард не стал читать респонсориального псалома, как не коснулся и оффертория с анафорой. Поднявшись на возвышение рядом с ракой, он открыл тяжелое Евангелие и сразу принялся читать, не обращая внимания на утробный рокот толпы, схожий с тяжелым шелестом Сарматского океана.

Рака поначалу вызвала у Гримберта естественное любопытство, которое, однако, быстро прошло. За толстым бронированным стеклом на подушке из алой парчи лежал небольшой сверток, обвязанный бархатными лентами, серый и съезжившийся. Гримберт ощущал себя разочарованным, пятка святого Лазаря выглядела невыразительно, как лабораторный образец ткани, испорченный неправильным хранением и неуместно богато украшенный. Ему приходилось видеть куда более впечатляющие образцы. Например, желчный пузырь святого Алферио в аббатстве Святой Троицы, что в Кава-де-Тирени. Помещенный в питательный рас-

твор, он до сих пор функционировал, вызывая благоговение у паствы. Или вот глаз святой Батильды, бережно сохраняемый в Фонтенельском аббатстве... Говорят, иногда он плачет кровавыми слезами, предвещая голодный год, или дрожит, когда чувствует войну. На их фоне пятка святого Лазаря выглядела совершенно невыразительно. Гримберт ощутил на губах презрительную усмешку. Паломникам следовало бы потребовать компенсации.

– Марфа, услышав, что идет Иисус, пошла к нему навстречу...

Несмотря на то что приор Герард давно лишился губ, отчего его голос звучал невнятно и неразборчиво, он оставался превосходным оратором. Его голос быстро укротил шелест бескрайнего человеческого моря и теперь плыл над ним, волнующий и рокочущий. Толпа беспокойно ежилась, стоило ему сбавить несколько тонов, и сладострастно обмирала, когда голос приора неся вверх.

Один снаряд, подумал Гримберт, силясь отодвинуть бесплотную мысль подальше от пиктограммы активации оружейных систем в визоре «Судьи». Всего один снаряд – и эта раздувшаяся кукла превратится в шлепок кровавой мякоти на алтаре. Вот уж точно будет чудо, только едва ли братья-лазариты поспешат занести его в летописи...

Не пробиться, это он понял сразу, едва лишь заняв причитающееся ему в нефе место рядом с другими рыцарями. Даже если каким-то образом ему удастся покинуть собор, не

превратившись в груды дымящегося железа, братья-монахи неизбежно возьмут свое. Единственная нить, связывающая остров с сушей, – это паром. Превосходная мишень для всех орудий монастыря.

– Иисус говорит – воскреснет брат твой...

Гримберт вздрогнул, услышав резкий хлопок, так похожий на выстрел. И с опозданием понял, что издало его захлопнутое Писание в скрюченных руках приора Герарда.

– Хватит, – неожиданно четко произнес он, глядя на толпу сверху вниз. – Довольно. Я могу читать дальше. Про камень, который откатали от пещеры. Про Лазаря, которому Иисус сказал: «Лазарь! Иди вон!» Но многие из вас и без того знают Евангелие на память. Едва ли вы находитесь здесь потому, что хотите услышать его еще раз. Чего же вы хотите? Зачем явились?

По толпе прошел взволнованный шелест, беспокойный и нечленораздельный. Гримберт видел, как паломники недоуменно озираются – резкий переход приора вывел их из привычного состояния молитвенного транса.

– Я скажу вам, почему вы в Грауштейне. – Герард отложил громоздкое Евангелие и провел скрюченными почерневшими пальцами по стеклу раки. – Вы здесь из-за чуда.

Из толпы вырвалось несколько возгласов, быстро утонувших в ее беспокойном клекоте.

– Вы ждете чуда. Вы явились, чтобы прикоснуться к нему. Приникнуть. Не понимая ни природы чуда, ни его сути, вы

рефлекторно желаете обладать им, идете на его зов. Как голодные псы, ощущающие запах несвежей кости.

Лишенные век глаза приора Герарда казались выпученными и потемневшими, как несвежие маслины, но Гримберту показалось, что сейчас они различают каждого из многотысячной толпы в соборе, включая его самого, съездившегося внутри стальной скорлупы.

– Так давайте же. Вот оно! – Герард сделал короткий, как выпад кинжалом, жест в сторону раки. – Вот чудо, которого вы так алкали. Попросите у него того, что собирались, отправляясь в Грауштейн! Ты, попроси пятку святого Лазаря, чтоб она исцелила чирьи на твоём лице! А ты, в дурацком шапероне, попроси у нее вернуть зрение. Что-то еще? Просите, просите смело, это же чудо Господне! Попросите у него здоровья, как у графа, чтоб в ваших жилах вновь текла живая кровь со свежими эритроцитами! Попросите золота, чтобы не есть до конца жизни картофельные очистки, запивая радиоактивной водой! Смелее! Попросите защиту от баронского произвола и зависти соседей! Ну!

Гримберт ощутил, как дрожь прошла даже по литой рыцарской шеренге. Слова, сказанные Герардом, не просто распахали паству, они жгли изнутри, вырывая из сотен глоток протяжный вздох.

– Для вас чудо – это то, к чему можно прикоснуться, – с неожиданной горечью произнес Герард, глядя сверху вниз на толпу. – То, от чего можно отщипнуть кусочек. И это значит,

что вы ни черта не знаете о чуде!

Гримберт услышал щелчок рации на коротком диапазоне.

– А святой отец не дурак полоснуть словом, – в голосе Шварцрабэ сквозило невольное уважение. – Хотел бы я посмотреть на него в бою...

– Вы жаждете чуда, – приор Герард на миг отвел пылающий взгляд от толпы в сторону раки с мощами, и впередистоящие испытали кратковременное облегчение. – Вы молитесь о чуде, как нищие молят о блестящей монете, не сознавая сути этого таинства, охваченные одной лишь человеческой жадностью, извечным из грехов. Для вас чудо – это изобилие пищи, созданное из нескольких хлебцев, или возможность упиться дармовым вином, сотворенным из воды. Разве в силах вы постичь Божью благодать, явленную через это чудо? Разве в силах осознать, чему именно свидетелями стали? Нет. Вы не причащаетесь чудом, вы пожираете его, как голодные крысы. И оттого ваши души обречены источать зловоние, как крысиные потроха.

В чертах приора Герарда на миг проступили гипертрофированные жуткие черты «Вопящего Ангела» – тяжелые изломы бронепластин, угловатый шлем-бургиньот, короткие отростки реактивных минометов.

– Чудо – это не ярмарочный фокус, – голос Герарда враз сделался тише, вынудив толпу беспокойно прилить к алтарному возвышению, чтобы не пропустить ни единого его слова. – Не фейерверк, нужный лишь для того, чтоб на секун-

ду оторвать вас от миски с похлебкой, вызвав удивленный вздох. Это величайшее из таинств, чья природа непостижима и загадочна. Никто не знает, когда Дух Господний являет себя, по какой причине и с какой целью вмешивается в привычную ткань мироздания. Только дураку позволено считать, будто, являя чудо, Господь намеревается потрепать вас по голове, как симпатичную шлюху, только лишь за то, что вы выполняете свой христианский долг. Чудо Господне непознаваемо, как человеческий геном. Оно может быть даром, но может быть и наказанием. Может быть ответом на вопрос, но может быть и самим вопросом.

Он изменился, подумал Гримберт, снижая громкость динамиков, чтоб отстраниться от гремящей под свободами собора проповеди. Что-то в нем изменилось. Сразу и не сказать, что именно, но изменение угадывается, как угадывается модификация внутренних органов в изношенном постаревшем теле. Приор Герард остался все тем же пламенным рыцарем-монахом, которого он помнил по Арбории, однако теперь его жар ощущался иначе. Опаляющий сердца слушателей, он в то же время казался проникнутым какой-то непонятной внутренней горечью. У Гримберта возникло невольное ощущение, что, бичуя толпу словом, святой отец и сам страдает от этого, будто удары невидимого хлыста терзают его собственное тело.

Эге, подумал Гримберт, а не стал ли наш приор, чего доброго, флагелянтом? Впрочем, едва ли. Его плоть и без того

едва держится на костях, вздумай он истязать себя кнутом, вся она сползла бы давным-давно на пол...

– Чудо... – нараспев произнес Герард, на миг закатив обрамленные гниющей кожей глаза к расписанному куполу собора, с которого вниз глядели меланхоличные и пустые лики святых. – Если считать чудо ответом, обращенным к душе верующего, невольно возникает вопрос: как должно его ждать, с христианским ли смирением, как всякую весть от Господа нашего, или дерзновением, тщась постигнуть таинство? Ибо разве не сказано в Евангелии – «Стучите, и откроют вам?»

Толпа одобрительно загудела. Гримберт не видел лиц, но видел замершие в напряжении фигуры, обращенные к алтарю. Подчиненные голосу проповедника, они вновь впадали в сладостный полусознанный транс, будто в церковных курительницах вместо ладана горел очищенный опий.

– Вы пришли сюда, в Грауштейн, оттого, что жаждете чуда, – Герард вновь пристально взглянул на прихожан, будто впервые их увидел. – Что ж, быть может, это не так и плохо? Может, многих из вас ведет не столько прихоть и любопытство, сколько дерзновение души? Попытка задать Господу вопрос, слишком сложный, чтобы быть обращенным в слова или молитву?

Гримберт точно знал, что привело его в Грауштейн. Потакая его соблазну, на экране визора, существующем только в его мозгу, возник прицельный маркер, заключивший при-

ора с распростертыми руками в серую окружность. Нет, через силу приказал ему Гримберт. Не сейчас. Маркер, мигнув, пропал.

– Я дам вам чудо, – приор Герард вытянулся во весь рост, сделавшись вдруг больше, по его обвисшему лицу, усеянному железными заклепками и штифтами, прошла короткая судорога. – Слышите? Позволю вам прикоснуться сегодня к чуду. Отворю дверь, в которую вы стучите, и позволю увидеть, что находится за ней. Но помните, праведники и грешники, никто не знает, в каком обличье явится к вам чудо. Станет оно для вас отрадой или наказанием, вопросом или ответом. Я лишь приоткрываю вам дверь, позволяя вашей душе получить то, что ей уготовано!

Герард замолчал, но находящаяся под впечатлением толпа безмолвствовала, словно ожидая какого-то жеста, долженствующего обозначать окончание сложного ритуала. Они не поняли ничего из сказанного, подумал Гримберт, ощущая мимолетное презрение к этой колышущейся массе, и не собирались понимать. Они явились поглазеть на чудо и торжественно осенить себя крестным знамением, а не слушать слова. Пусть на минуту, но ощутить снизошедшую на них благодать, от которой перестанут зудеть сифилитичные язвы и беспокойная совесть. Они ждали чуда, а Герард дал им лишь слова. Нет, ему никогда не стать епископом.

– А теперь помолимся вместе о Господнем снисхождении, – приор ордена Святого Лазаря сложил вместе изуве-

ченные болезнью ладони. – Сейчас я прочту «Credo», «Agnus Dei» и еще несколько приличествующих моменту молитв, а вы внимайте и постарайтесь ощутить колебания собственной души. Что же до господ рыцарей, прошу вас переключить ваши радиостанции на прием в средневолновом диапазоне. Специальная низкочастотная передача позволит всем нам настроиться на единый резонанс и восславить Господа мысленно, слившись с нами в едином хоре.

У Гримберта не было никакого желания сливаться в хоре под руководством приора Герарда, но он на всякий случай приказал «Судье» просканировать средневолновый диапазон и автоматически начать прием. Послушная машина колебалась лишь несколько секунд, после чего оглушила хозяина потоком шипящих и скрежещущих звуков, от которых его ушные нервы послали в мозг мощные болевые импульсы.

Это было похоже на мелодию, пропущенную сквозь мясорубку и превратившуюся в какофонию, ворох бессвязных, хаотически наложенных друг на друга звуков. В ней угадывались зачатки ритмики и, кажется, какие-то оборванные фрагменты клавесина в сочетании с человеческой речью, но слушать подобное было невыносимо. Черт побери, так и оглохнуть недолго...

Что ж, подумал Гримберт, стиснув зубы, мои глаза достались графу Лауберу. Будет справедливо, если уши достанутся приору Герарду...

Коротким мысленным приказом он отключил радиостан-

цию, погрузив кабину «Серого Судьи» в блаженную, не рождающую эха, тишину.

* * *

После высоких каменных сводов монастырского собора, украшенных ликами неизвестных ему святых, низкое небо Грауштейна показалось ему огромным выгоревшим экраном, нависающим над Сарматским океаном. Но он не стал останавливаться, чтобы бросить на него лишний взгляд.

Прочь, приказал он «Судье». Надо найти Берхарда и двигаться в сторону парома. Вылазка была дерзкой, но надо признаться себе самому, совершенно бесполезной. Глупо было думать, что двухчасовое созерцание пятки в стеклянном ящике поможет мне найти уязвимое место Герарда. Напротив, я подверг себя бессмысленному риску.

Ему потребовалось несколько минут, чтоб миновать каменный портал, столпившиеся там рыцари ордена образовали столь серьезную плотину, что на время почти полностью перекрыли хлещущий из собора людской поток. Но выбравшись на свободу, он враз почувствовал себя легче, будто вышел из-под невидимого поля излучения, распространяемого приором Герардом и его некрозной святыней.

«Я дам вам чудо». Осколки проповеди все еще звенели под сводами черепа, точно засевавшая внутри шрапнель. Мерзкий предатель. Клятвопреступник. Лжец. Ты дашь мне

чудо, если возьмешь мушкет и всадишь себе в глотку заряд дроби. Тогда я покину Грауштейн, исполнившись христианского благоговения. Чертов гнилой святоша, самоуверенный проповедник, проклятый разлагающийся труп...

У входа на монастырское подворье, миновав крепостную башню, он едва не налетел на того, кого меньше всего ожидал тут обнаружить – на «Варахиила». Почти изящный в своей иллюзорной легкости, рыцарский доспех неподвижно возвышался в полубоевом положении, сам похожий на крепостную башню вычурной формы, бронированный шлем сдвинут в сторону, демонстрируя пустой кокпит. Сам сир Ягеллон стоял внизу, тоже неподвижный, и что-то разглядывал, но что именно – Гримберт с высоты «Судьи» не смог бы сказать наверняка.

Он собирался пройти мимо, но его остановил голос.

– Сир Гризео?

Меньше всего он ожидал, что горделивый лехит окликнет его – болезненно бледный, вечно погруженный в свои мысли, тот не выглядел человеком, жаждущим общения. Но акустические датчики «Серого Судьи» настаивали на том, что этот звук не был галлюцинацией.

– Меня зовут не...

– Вам понравилась служба?

Ягеллон спросил это без интереса, но Гримберту показалось, что холодные глаза Стерха из Брока внимательно ощупывают серую броню «Судьи», будто силясь найти на ней ка-

кую-то зацепку или брешь.

– Не могу сказать, что сведущ в проповедях, но приор Герард определенно умеет брать за душу.

– А как вам заключительная часть?

Вероятно, он имел в виду ту часть молитвы, которую приор Герард отправил в радиоэфир и о содержании которой Гримберт не имел даже смутного представления.

– Весьма... недурно.

– Мне тоже так показалось, – глаза Ягеллона несколько раз моргнули, отчего его лицо на миг сделалось вполне человеческим и красивым, хоть и на своеобразный манер. – Эти чарующие псалмы в невероятном диапазоне... Это многоголосие... Будто ангелы поют в небесной высоте, не правда ли?

– Совершенно верно. Необычайно красиво.

– Так и выглядит нисхождение благодати, – Ягеллон улыбнулся, но, кажется, больше самому себе, чем серой громаде «Судьи» и заточенному внутри Гримберту. – Душа преисполняется радости и делается легкой, как лебяжье перо, кажется, достаточно подуть на нее, чтобы она вознеслась высоко вверх, к самым Божьим вратам...

Гримберт хмыкнул. Он не имел никакого представления о том, в каком виде благодать снизошла на паству приора Герарда, и уж тем более не стремился обсуждать этот вопрос с другими. Он уже узнал достаточно, чтобы, по крайней мере, не считать свой визит в Грауштейн пустой тратой времени.

– Это правда, что вы дали обет не снимать рыцарского

доспеха?

Вопрос был неожиданный и резкий – сродни мастерскому выпаду в «Шлахтунге», в котором сир Ягеллон, несомненно, был превосходным мастером.

– Да, именно так.

– Но вы, кажется, не причисляете себя к кому-либо ордену?

– Нет, я мирянин.

– Облат? Обсервант?

– Увы, ни то ни другое. Я недостаточно силен духом, чтобы вести монашеский образ жизни, однако в меру сил стараюсь по крайней мере не гневить Господа понапрасну.

– Вы сильны в вашей вере?

Гримберт беззвучно выругался сквозь зубы. Меньше всего на свете ему хотелось терять время в богословских беседах с Ягеллоном. Может, тот сам и не был монахом-рыцарем, но, без сомнения, хорошо разбирался во всяких богословских схоластических штучках. Если он узнает, что серый рыцарь, инкогнито прибывший на остров, ведом не порывом благочестивой души, а иными мотивами, это, пожалуй, может зародить в нем подозрение. А Гримберт не собирался давать воли любым подозрениям со стороны Христовой братии – по крайней мере, не до того момента, когда проклятый ржавый паром не переправит его на другую сторону, подальше от Герарда и его некрозной паствы.

– Вера горит в моем сердце, но должен признать, что я...

не всегда уделяю должное внимание церковным обрядам.

Этот ответ был сродни маневру уклонения, разве что в этот раз он уклонялся не от баллистических снарядов или лучей лайтера. Однако Ягеллон не выказал ни удивления, ни раздражения, лишь смиренно прикрыл на несколько секунд глаза.

– Слепая вера – то же самое, что рыцарь с поврежденными сенсорами, – произнес он своим певучим голосом. – Многие склонны придавать ей излишне много внимания, не понимая, что вера – это не суть христианства, а всего лишь канал, благодаря которому мы черпаем божественную благодать.

– Благодать? – не удержался Гримберт, надеясь, что несовершенный микрофон «Судьи» отфильтрует саркастичные нотки из его голоса. – Вот как?

– Многие теологи спорят о том, что есть божественная благодать, – ответил Ягеллон тем же смиренным тоном. – Что до меня, я считаю, что благодать есть знание. Разве не к знаниям жадно стремится наша душа, едва лишь оказавшись в этом мире? Открыв впервые глаза, мы уже алчно желаем познать этот мир со всеми его явными и тайными законами, скрытыми течениями и изменчивыми ветрами. Именно познанию мира мы посвящаем свою жизнь, отдавая себе в этом отчет или нет. Господь – есть великое знание, к которому мы можем причаститься, если соблюдать должное старание. В этом суть веры, сир Гризео. А не в том, чтобы отстаивать литургию с постным лицом, ожидая момента, когда

можно будет выпить приторного вина, символизирующего соединительную ткань из плазмы, напичканной эритроцитами и тромбоцитами.

Фанатик, с отвращением подумал Гримберт. Как он и предполагал, за невыразительным мраморным фасадом Ягеллона скрывался истовый рыцарь Церкви, отринувший все искушения и соблазны жизни ради возможности черпать познания из бездонного источника и превративший себя ради этого в холодный хирургический инструмент истинной веры.

– Господня благодать могла бы коснуться гораздо большего числа людей, если бы Святой престол не старался ее регулировать, – язвительно заметил он. – В прошлом году в Орлеане императорские фабрики выбросили в сточные воды годовую дозу фторида натрия. Обычный водяной фильтр замкнутого контура спас бы тысячи жизней – если бы епископская кафедра не грозила лоботомией за его использование. Этой весной в Лотарингии вспыхнула чума. Разреши Святой престол антибиотики, это сохранило бы по меньшей мере сто тысяч жизней. Как жаль, что все эти люди оказались недостойны божественной благодати!

Ягеллон взглянул на него с неподдельным интересом.

– Многие полагают важнейшей из добродетелей веру, но как по мне, гораздо большего уважения заслуживает умеренность. Умеренность – свойство зрелого ума, иногда человеку требуется прожить всю жизнь, чтоб это свойство вызрело

в нем, как вызревает виноградная лоза. Дайте ребенку возможность тащить в рот все, что ему вздумается, – и он обьестся до заворота кишок. Дайте пьянице бездонную бочку – и он утонет в ней, пытаясь выхлебать до дна.

– Несложно рассуждать об умеренности, когда сам можешь с легкостью черпать из источника божественной благодати!

– Так уж устроен человек, сир Гризео, что жадность часто заменяет ему чувство меры, а алчность – рассудок. Вам ведь известно, чем кончилась та эпоха, когда всякому человеку было дозволено без ограничений использовать накопленные знания в своих интересах?

– Темные Проклятые Века, – отозвался Гримберт. – Я не теолог, но имею некоторое представление о том периоде.

– Темные Проклятые Века, – напевно согласился Ягеллон. – Время, когда человек в своей извечной самонадеянности возомнил себя хозяином знаний, всеведущим творцом и повелителем. Вы знаете, что последовало за этим. Слепые эксперименты в области энергии атома, молекулярной трансформации, генетики, микробиологии едва не стерли следы жизни с лица всей планеты. Человечество все еще не сумело взрастить в себе умеренность, хоть и мнит себя самым разумным биологическим видом. Оно все еще дико, жадно, самоуверенно и по-звериному хитро. Оно неизбежно попытается использовать всякое знание для собственной выгоды, невзирая на последствия, опьяненное своей иллюзор-

ной силой над материей. Если технологии сулят богатство или власть, нет никаких рамок, моральных или естественных, которое оно не разорвало бы ради этого. Вы хотите даровать черни водный фильтр? Через год в Орлеане появится бомба на его основе. Желаете осчастливить жителей Лотарингии антибиотиками? Не пройдет и пяти лет, как возникнут созданные на их основе сложнокompонентные яды...

Гримберт невольно ощутил подобие уважения. Этот Стерх из Брока, кем бы он ни был, оказался ловок не только в рыцарском поединке, но и в схоластике. Будь они в Турине, возможно, Гримберт нашел бы несколько часов времени, чтобы разбить его доводы, безжалостно и планомерно, как разбивают вражеское войско выверенные тактические действия. Возможно, он даже получил бы от этого удовольствие.

– Вы – прекрасный собеседник, сир Ягеллон, – вежливо заметил Гримберт. – Я с удовольствием бы посвятил этому спору больше времени, если бы не причины объективного характера, требующие от меня скорее покинуть Грауштейн...

Его прервал треск радиации. Горящий индикатор показывал, что передача идет на открытом канале в коротком диапазоне, но вместо слов в кабину «Судьи» пробивался лишь рваный треск, за которым почти не было слышно слов.

– Сс-с-сср-р-р... Грррр-ррр-зз-з-з...

– Минуту, – буркнул он раздраженно. – У меня проблемы с радиостанцией.

Он мысленно вызвал на визор панель управления связью, в очередной раз поморщившись при виде этого громоздкого и совершенно нелепо устроенного анахронизма. Радиостанция была в порядке и принимала сигналы во всем спектре, это он понял почти сразу. Проблема была в протоколах связи. «Серый Судья» в очередной раз после броска напряжения во внутренней силовой сети, к которой были подключены и средства связи, попросту позабыл ключевые параметры, вернувшись к привычным ему настройкам, устаревшим на добрую сотню лет.

Этот фокус он выкидывал не впервые, и Гримберт, привычно выругавшись, активировал нужные протоколы вручную. Ржавый чурбан... Что ж, по крайней мере, это объясняло, отчего заключительная часть проповеди приора Герарда прошла мимо него, превратившись в какофонию из бесвязных сигналов. Механический рыцарь попросту временно оглох, потеряв связь с внешним миром. Простительная слабость для старика. Гримберт устало усмехнулся.

– С-сир Г-г-гризео?

Сквозь полосу стремительно тающих помех в кабину ворвался голос Шварцрабэ.

Веселый и бесцеремонный, он явно принадлежал человеку, который стремился предаться простым жизненным радостям вместо того, чтобы обдумывать надлежащим образом проповедь приора Герарда. Видимо, у него были свои вполне сложившиеся соображения о природе божественной бла-

годати.

– Слушаю.

– Немедленно направляйте ваши стопы в сторону здешнего рефектория.

– Что такое рефекторий?

– Монастырская трапезная. Кажется, сегодня ей есть, чем попотчевать нас кроме кислого пива. Поверите или нет, но мне удалось заарканить нашего угрюмого сира Томаша и взять с него слово поведать о некоторых славных свершениях из его прошлого. Сир Франц тоже здесь и изнывает от нетерпения.

– С удовольствием присоединился бы к вам, но меня ждет паром.

– Бросьте, я уже справлялся насчет парома, он отойдет только через несколько часов. Вы ничем не рискуете.

В словах Шварцрабэ была толика правды. Если ему суждено еще несколько часов проторчать в этом сером каменном гнезде веры, он куда охотнее посвятил бы их рассказням Красавчика Томаша, чем любованию монастырским зодчеством и теологическим спорам с Ягеллоном. В любом случае ни то ни другое не приблизит его к Герарду.

– Не представляю, как вам удалось вынудить Томаша к этому соглашению.

Шварцрабэ польщенно рассмеялся:

– Помните, старина, если в мире и есть нечто обладающее большей пробивной мощностью, чем бронебойный подкалибер-

ный снаряд, так это лесть. Ну же, жду вас внутри. Отбой.

Ягеллон терпеливо ждал, когда Гримберт закончит разговор.

– Радиовывоз? – осведомился он безразличным тоном.

– Да. Приглашение в рефекторий. Кажется, сир Томаш наконец готов побаловать наши уши парой-другой историй из его богатого прошлого и ожидает публику. Как вы относитесь к этой идее?

– У меня сложилось не самое приятное мнение об этом человеке, – холодно отозвался Ягеллон. – Хоть и не могу отрицать того, что он достойный противник.

– Тем интереснее послушать его болтовню, – заметил Гримберт. – Разве она станет не зримым подтверждением вашей теории о вопиющей греховности человеческого начала?

Ягеллон не относился к тем людям, которые долгое время принимают решение, Гримберт понял это еще по тактике «Варахила», стремительной и резкой.

– Я с вами, сир Гризео. Но исключительно из-за скуки, а не потому, что испытываю праздный интерес к историям старого бандита.

– Что ж, тогда нам осталось лишь догадаться, где искать этот самый рефекторий.

* * *

С последним они справились без особого труда. Несмотря

на то что подворье Грауштейна было занято великим множеством построек, «Стальная Скала», «Ржавый Жнец» и «Беспечный Бес», замершие у входа, указывали на монастырскую трапезную яснее, чем Вифлеемская звезда. Гримберт с облегчением убедился в том, что это здание, как и прочие, сооружено лазаритами с учетом размером рыцарского доспеха, а значит, он, скорее всего, не раздавит никого из братьев, вторгнувшись внутрь в «Сером Судье».

Внутри оказалось на удивление просторно, но Гримберт, оказавшись внутри, все равно заслужил неодобрительные взгляды собравшихся. Ничего удивительного, учитывая, что любого неосторожного движения рыцарского доспеха было достаточно, чтоб превратить в щепу любой из обеденных столов.

– Сир Гризео! Сир Ягеллон! Сюда!

Шварцрабэ, Франц и Томаш сумели устроиться с максимально возможным комфортом, захватив себе большой угловой стол, на котором, подобно фигурам на шахматной доске в сложной и затянувшейся партии, расположились пивные кружки, крынки с медом и сыром, а также чищенные орехи – все, что монастырь Грауштейн смог предложить господам рыцарям. Гримберт угрюмо подумал о том, что ему не достанется даже этого, единственное, на что он сейчас мог рассчитывать – несколько глотков соленой протеиновой смеси из загубника.

– ...тут-то я и понял, что дело не к добру, – беспальные

ломкие руки Томаша походили на сухие древесные ветви, побывавшие во фрезеровочном станке, но жестикулировали необычайно быстро. – У этого сира Оттона было двукратное преимущество по орудиям, кроме того, я к тому времени уже выработал весь моторесурс и трясся как припадочный. Ну, думаю, доигрался ты, Красавчик. Сейчас разделает меня в два залпа...

Гримберт заставил «Серого Судью» замереть с торцевой стороны стола, опустившись на пару футов. Он все равно выглядел чудовищно большим и неуклюжим по сравнению с сидящими людьми, но уже словно занимал меньше объема в пространстве. Сир Томаш с удивительной сноровкой обхватил кружку и одним глотком влил в себя сразу половину мутной жижи из нее.

– Что было дальше? – жадно спросил Франц. Еда перед ним стояла нетронутой – кажется, он боялся пропустить даже слово. – Ушли в маневр?

– Какой уж маневр на такой-то дистанции... – старый раубриттер закашлялся и сплюнул под стол пивную пену. – Нет, у меня в запасе был прием получше. Стоило сире Оттану закатить мне первую оплеуху основным калибром, как я выкинул вот что. Отключил охлаждающую систему и впрыснул в двигатели побольше горючки, отчего мой «Жнец» натурально перхнул черным дымом, как костер какой. И тотчас замер на месте.

Франц нахмурился, пытаясь понять, куда он ведет, а

Шварцрабэ уже беззвучно хохотал:

– Хитрец! Ах, хитрец! Заставили его поверить в то, что подбиты, а?

Томаш кивнул:

– Именно так. Будь сир Оттон поосторожнее, закатал бы мне пару горячих прямых для верности, но очень уж он горяч был. Как увидел, что «Жнец» встал и коптит, что твоя свеча, выскочил из кабины и бросился ко мне. Наверно, хотел повнимательнее рассмотреть мои сигнумы, чтоб миннезингеры ничего не упустили в славной песне о его победе! Ну и растяпа!

– И вы, конечно, не упустили своего?

Томаш ослабился, демонстрируя беззубые розовые челюсти:

– Сожри меня черт, если б упустил! Подпустил его поближе и стеганул пулеметами так, что только клочья от него полетели!

– И вы считаете это славной победой? – осведомился Ягеллон. – Воспользоваться обманом, чтоб выманить противника из доспеха? Не вижу здесь никакой доблести.

– Доблести я и не искал, – Томаш рыгнул и ударил себя в грудь. – Я хотел сохранить свою шкуру. Правда, с тех пор я стараюсь не показываться в Аквитании, а то ее, чего доброго, сдерут дружки сира Оттона и приколотят к какому-нибудь столбу...

Ягеллон не стал вступать в спор. Дождавшись, когда мона-

стырский служба поставит перед ним кружку, он отхлебнул из нее с таким достоинством, будто присутствовал на приеме у герцога, не меньше, и скривился:

– Какая кислятина... Из чего они его варят, из мух?

– Судя по всему, из прошлогодних, – вставил Шварцрабэ. – К тому же приправляют кустарным синтетическим мускардином...

Свой щегольской черный берет он расположил на столе, немало не переживая из-за свежих пивных пятен на нем, и расшнуровал воротник гамбезона, однако выглядел так, будто был по меньшей мере маркизом, возлежащим в шелковом палантине, может, из-за своей постоянной сардонической усмешки, не покидавшей его лица, лишь иногда уходящей в тень.

– Бывало и хуже, – Томаш звучно хлебнул пенной жижи. – Как-то под Иерусалимом у нас закончилась вода, так что приходилось пить воду из систем охлаждения. Вот то была дрянь так дрянь...

– Вы участвовали в Крестовых походах? – почтительно осведомился Франц. – В скольких из них? Я видел сигнумы битв на вашем доспехе, но лишь немногие мне знакомы. Красное Ратовище, Чумной Четверг, Кельнская Мясорубка, Колесование, Триста Костей, Санктум...

– В восемнадцати. Честнее было бы сказать, в двадцати, да только два святоши поспешили вымарать из своего информатория и поскорее забыть. В первый раз все кончилось

в Никее. Это христианский город на той стороне моря. Мы должны были там передохнуть после трехнедельного марша по пустыне, чтоб подготовиться к броску на Иерусалим, да только вышло все паскудно, как всегда бывает в курятнике, если туда заявилась дюжина хорьков. Сперва папский легат рассорился вдрызг с императорским коннетаблем. Говорят, что из-за тактики, но мне кажется, они просто делили епископские да графские короны еще не завоеванных земель и немного не сошлись в расчетах. Потом граф Альбона выставил претензии графу Кресси – эти двое издавна на ножах были. Барон Мантейфель заявил, что не двинет свои отряды, пока его ландскнехтам не заплатят вперед уговоренного три тысячи монет. Барон Мерси объявил его предателем и хотел вызвать на поединок, но почти тотчас сам скончался от передозировки непроверенным византийским морфием. Маркиз де Севинье предался удовлетворению своих противоестественных похотей и в скором времени до того преуспел, что в городе едва не начался бунт. Граф Сансерра покончил с собой, граф Бигорра окончательно выжил из ума и утонул прямо в доспехе посреди озера Аскания, граф де Лаваль принялся распускать несуразные слухи... Словом, не прошло и недели, как мирная Никея превратилась в пылающий под нашими задницами костер. Кто-то споро принялся за грабежи, кто-то бежал восвояси, кто-то начал отчаянные интриги... Императорский коннетабль пытался было восстановить порядок, но куда там. Еще через неделю лег-

кая пехота сарацин ударила по городу так, что все мы бросились врассыпную, как дикари под пулеметным огнем. Теперь понимаете, почему в честь этого славного похода не рисуют сигнумов?

Франц что-то неразборчиво пробормотал. Судя по немного осололевшему взгляду, это была уже не первая кружка монастырского пива, опрокинутая им за этот день. Томаш же выглядел так, будто хлебал обычную воду. Ну, этого-то, пожалуй, и целая бочка наземь не свалит...

– Узнаю славные традиции франкского войска, – пробормотал Гримберт. – Даже в лучшие времена оно похоже на свору бешеных собак, которые еще не перегрызли друг другу глотки только потому, что слышат щелчки императорского кнута.

Томаш покосился на него с раздражением на изувеченном лице – видно, замечание исподволь уязвило его.

– Не вижу на вашей броне ни единого сигнума, сир Гризео. Или вы слишком скромны, чтоб наносить их на доспех?

– Это часть обета, который я добровольно возложил на себя.

– Обет... – проскрипел раубриттер, придиричиво разглядывая сырную корку. – Нынешние рыцари ни черта не смыслят в этом. Рады нацепить на себя обетов, будто это какое-нибудь украшение вроде броши... В наше время к обетам относились куда серьезнее, и все равно много глупостей от них происходило. Как в тот раз с Сигириком из Брно...

Вижу, сир Шварцрабэ уже ухмыляется, видно, ему эта история знакома.

– Расскажите! – немного заплетающимся языком попросил Франц. – П-пожалуйста, сир Томаш, будьте добры...

Томаш фон Глатц что-то проворчал. Несмотря на то что держался он насупленно и недружелюбно, чувствовалось, что интерес прочих рыцарей подогревает его самолюбие. Шварцрабэ, хитрый мерзавец, был прав, лесть зачастую может вскрыть даже те доспехи, против которых бессильны подкалиберные снаряды.

– Вы знаете, что такое Путь святого Иакова?

– Паломнический маршрут в Иберии, – отозвался Ягеллон, прежде хранивший молчание, – идет через Пиренеи и...

– Говорят, тому, кто дал обет пройти Путем святого Иакова, Господь дает здоровья на двенадцать лет и удачу во всех начинаниях. – Томаш пожевал тонкими бесцветными губами. – Только не очень-то многие горели желанием.

Ягеллон хрустнул суставами тонких пальцев.

– Это отнюдь не легкая прогулка, – заметил он сухо. – Три недели, и сплошь по диким местам. Разбойники, варвары, радиационные пустоши... Тур, Бордо, Эстелла, Бургос, Виллабилла, Леон, Арзуа...

– Сир Сигирик вознамерился пройти его в одиночестве, кроме того, подобно нашему сиру Гризео, взял на себя обет не снимать доспеха, пока не закончит путь, вернувшись в Брно на то же самое место, где стоял.

– Достойный обет! – пробормотал Франц. – Это... достойный рыцаря обет!

Ягеллон покосился на юного рыцаря с неодобрением. Тот явно хлебнул лишнего, и, хоть еще сохранял надежное положение за столом, взгляд его немного расфокусировался, а язык ощутимо заплетался. Что ж, подумал Гримберт с мысленной ухмылкой, мальчишка еще поблагодарит судьбу за то, что выбрался из доспехов. Немного в мире есть менее приятных вещей, чем необходимость освободить желудок в тесной кабине...

Томаш обвел сидящих взглядом. Его неестественно бледный глаз казался затянутым слепым бельмом, однако выдерживать этот взгляд оказалось непросто, даже Шварцрабэ перестал улыбаться на несколько секунд.

– Все придворные пришли в восторг. В ту пору как раз установилась мода на всякого рода обеты, а прекрасные дамы млели от подобного рода историй. Я уже тогда называл сира Сигирика идиотом, но все прочие были на его стороне. Маркграф Моравский, в знамя которого входил сир Сигирик, даже объявил о готовности устроить шикарное торжество в честь своего вассала.

Томаш замолчал и молчал неоправданно долго, бессмысленно двигая кружку по столу увечной рукой. Никто из рыцарей не осмеливался заговорить, точно опасаясь перебить неспешный ход его мысли.

– Так уж совпало, что следующие три недели или около

того я провел в Брно. Моему «Жнецу» требовался капитальный ремонт и замена редукторов, так что я торчал при дворе маркграфа как последний дурак. На меня и так там смотрели как на бродячего пса, ну да это к делу не относится... Я видел, какой переполох воцарился во дворце, когда дозорные с башни закричали о приближении сира Сигирика. И сир Сигирик явился. Вошел в тронный зал, печатая шаг, и все увидели, что паломничество стало для него отнюдь не легкой прогулкой. Доспех был обожжен и покрыт вмятинами, однако держался ровно и с достоинством. Сир Сигирик молча занял место в центре залы и дал всем присутствующим возможность чествовать его. Правду сказать, держался он как настоящий герой, молча и с достоинством. Не бахвалился, не живописал опасности, не унижался в ложной скромности. Молча выслушал бесчисленные похвальные речи и прочувствованные благодарности. Не шевельнулся, пока оркестр маркграфа услаждал его слух изысканной музыкой. Даже во время роскошного пира, устроенного в его честь, остался недвижим аки статуя.

Франц заметно напрягся, поглощенный рассказом. Шварцрабэ слушал его с легкой улыбкой на губах, как будто уже знал, чем все закончится. Ягеллон хмурился, без всякого смысла водя черенком вилки по истертой столешнице, точно выписывая на ней непонятные письмена.

– В пирах и торжественных речах прошел целый день, сир Сигирик молча внимал, но сам не подавал никаких сигналов

и не спешил выбраться наружу. К исходу дня придворные стали шептаться, разлилось что-то вроде беспокойства. Не странно ли, что герой столько молчит? Может, он не считает свой обет выполненным и чего-то ждет? Маркграф, тоже испытывавший душевное беспокойство, прямо обратился к нему, но сир Сигирик твердо сохранял молчание. Это уже походило на непристойность, шутка, в чем бы она ни заключалась, оказалась затянута. Кажется, только тогда сообразили послать за слугами и пилой. И тогда...

– Ну? – первым не выдержал Франц. – Чем все закончилось.

– Все закончилось скверно, сир Бюхер. Потому что только лишь стих визг лезвия, прогрызающего бронеплиты, прямиком на убранный пиршественный стол рухнуло зловонное полуразложившееся тело. Сир Сигирик выполнил свой обет.

– Но как такое могло статься? – растерянно спросил Франц. – Он же...

Томаш хрипло рассмеялся, наслаждаясь его обескураженностью:

– Двигался? Да, конечно. Автопилот. Сир Сигирик умер вскоре после того, как начал свое паломничество. Передозировка стимуляторов – не выдержало сердце. Все это время его доспех нес по радиоактивным пустошам гниющий труп своего хозяина. Этакая самоходная рака с мощами. Только сир Сигирик, как выяснилось, был отнюдь не святой... Я слышал, с тех пор паломничество Путем святого Иоанна по-

теряло в тех краях былую популярность.

Часть четвертая

Гримберт в который раз поблагодарил небо за то, что его лицо надежно укрыто пластами непроницаемой для взгляда серой брони, а то, чего доброго, пришлось бы объяснять благородным рыцарям причину возникшей на нем саркастичной ухмылки. История про сира Сигирика была известна ему как минимум в четырех различных вариантах, при этом ни один из них не касался ни паломничества, ни каких бы то ни было обетов. Самый правдоподобный из них утверждал, что сир Сигирик был настолько неумерен в чревоугодии, что в какой-то момент попросту не смог выбраться из своего доспеха, где в конце концов и задохнулся, как крыса в норе.

Однако прерывать разглагольствования фон Глатца он не собирался. Сбавив громкость динамиков до необходимого минимума, сам он мысленно раз за разом возвращался к проповеди приора Герарда. Он думал, что позабыл ее, но сейчас, сидя в бронекапсуле «Судьи», обнаружил, что помнит многое почти дословно.

«Я позволю вам прикоснуться сегодня к чуду. Отворю дверь, в которую вы стучите, и позволю увидеть, что находится за ней».

В представлении Гримберта совсем не такая проповедь была уместна перед лицом сошедшего чуда. Чуда, которого так долго ждал заброшенный и посеревший от старости Гра-

уштейн. Хороший проповедник не упустил бы такого шанса, он напоил бы паству сладкими душеспасительными речами, пронизанными апостольской мудростью и укрепленными надлежащими и к месту приведенными цитатами из святых отцов. Слова же Герарда были горьки, как яд. Он словно швырял чудо в лицо собравшимся, не испытывая при этом ни душевного трепета, ни почитания, одну лишь горячую презрительную ярость.

Он знал, понял Гримберт. Знал цену этого чуда, такого нелепого и бесполезного. Вот откуда это сочащееся презрение в его словах. Люди, которые собрались в Грауштейне со всех окрестностей, не хотели истинного чуда, как не ждали и сошествия духа Господнего. Они явились за ярмарочным фокусом, о котором можно будет после с придыханием рассказывать соседям. За необременительным ритуалом, который приятно будет вспоминать. За жалкой надеждой, которую можно будет баюкать в истерзанной сеньорскими кнутами душе.

Этим людям не нужно было чудо – и Герард это знал, как никто другой.

– ...но когда на меня двинулись сразу два берберца, тут даже у меня сердце в пятки ушло. Двое на одного! И оба в доспехах по высшему классу!

Очнувшись от задумчивости, он обнаружил, что диспозиция за столом почти не изменилась. Красавчик Томаш что-то рассказывал, ожесточенно жестикулируя руками и усеи-

вая стол перед собой капелью желтой слюны. Ягеллон внимал ему с холодным интересом. Шварцрабэ, сам уже немного набравшийся, пьяно хохотал и то и дело хлопал себя по ляжкам. А вот Франц уже, кажется, покинул их общество прежде времени. Еще не отключившийся, он сидел на своем месте, уставившись в пустоту немигающим стекленеющим взглядом, сам похожий на опустевший и брошенный хозяином доспех.

– Берберцы! – Шварцрабэ пренебрежительно махнул рукой. – Скажите на милость! Я имел дело с берберцами. Может, на море они и опасны, но на твердой земле с ними разделяется даже ребенок. Я как-то за один бой уложил два десятка!

Это звучало откровенным бахвальством. Гримберт сомневался, что сиру Хуго вообще доводилось сталкиваться с кровожадными африканскими пиратами, но сейчас никто из присутствующих не собирался заострять на этом внимания, истории обрастали фантастическими подробностями быстрее, чем раковая клетка – кровеносными сосудами. Того и гляди, дело дойдет до мантикор и великанов...

– Два берберца, может, это и не много, да только я остался без снарядов! – хриплый голос Томаша без труда перекрывал все прочие. – Как вам такое?

Все заговорили вразнобой, как обычно случается в трактире.

– Ну, без снарядов, допустим, это полная ерунда...

– Я всегда беру в боеукладку один дополнительный!

– Маневр! Только маневр!..

– Другой бы на моем месте обмочил шоссе, – Томаш обвел всех за столом торжествующим взглядом. – Да и я бы обмочил, если бы не оставил свой мочевого пузырь под Мецем двадцать лет назад. Пришла мне в голову одна штука... Зарядил я в ствол осветительную ракету, последнюю, что оставалась, да и всадил прямиком в того подлеца, что ко мне ближе был.

– Ракету? Да толку?

– А то и толку! – Томаш яростно припечатал слова ударом ладони, так, что даже стол скрипнул. – Угодил ему akurat в кабину! Ну и полыхнуло! Вышиб у него на секунду всю видимость, вот что! Крутанулся он на месте, выстрелил – да прямо в своего собрата. Прямое попадание! В бок! А тот от неожиданности тоже всадил – и тоже по корпусу! Ну и сгорели оба к чертям...

– Невероятно! – Шварцрабэ принялся аплодировать, ухмыляясь. – Никогда бы не поверил!

– Если эта история правдива... – Ягеллон сделал паузу, которая более трезвым собеседникам показалась бы многозначительной, – если эта история правдива, вам, сир Томаш, надлежало бы отправиться в ближайшую церковь и поставить там самую большую свечу, ибо такое стечение обстоятельств можно объяснить только чудом.

Красавчик Томаш пренебрежительно рыгнул.

– Чудом было то, что, будучи в Силезии, я не отбросил копыта от тифа. А это... Только лишь расчет и умение нанести верный удар. Рыцарь не уповаает на чудо, сир Ягеллон, как бы святоши ни пытались уверить нас в обратном!

Но если он намеревался вывести из себя Ягеллона, придется постараться, подумал Гримберт. Стерх из Брока, кажется, так же хорош в обороне, как и в нападении.

– Чудо – это не неопалимый куст или разошедшееся в стороны море, – сдержанно заметил Ягеллон, буравя Томаша немигающим взглядом. – Я думал, приор Герард в своей сегодняшней проповеди вполне доходчиво это изложил.

– Ни черта не понял из его проповеди! – громыхнул Томаш. – Деревенский поп и тот смышленее говорит. Пятка эта ваша смердящая... Смотреть тошно.

Этот тип точно не умрет своей смертью, подумал Гримберт не без злорадства. И случится это не в очередном Крестовом походе, а прямо тут – братья-лазариты растерзают старого дурака на части. Вот уж порадуетесь Шварцрабэ подобной истории...

– Вам следует внимательно следить за тем, что произносите, сир. – В этот раз от Ягеллона повеяло таким холодом, что Гримберту невольно захотелось съежиться даже в изолированной кабине «Судьи». – Иначе я буду вынужден вновь пригласить вас для выяснения разногласий, но уже за пределами Грауштейна, и, уверяю, в этот раз мы обойдемся без имитационных снарядов...

Его угроза не произвела на Красавчика Томаша видимого впечатления.

– Притушите реактор, – посоветовал он. – Что до чудес, мне приходилось видеть такие чудеса, что сам Моисей бы открыл рот. Вам приходилось слышать про монастырь кармелитов под Назаретом? Там обитало душ двести, все – прилежные монахи вроде здешних. Рады были целыми днями бить поклоны и пороть себя плетью, пока не узнали, что к монастырю их полным ходом движется армия Абдулхабира Третьего, сарацинского царя в тех землях, провозгласившего себя последним защитником от христианства. Мы не раз угощали его огнем и сталью, да и ему случалось поджечь нам хвост. Только в тот раз он всерьез осерчал. Святой престол несколько лет вел с ним переговоры, иногда весьма взаимовыгодные, но в какой-то момент то ли утратил бдительность, то ли вознамерился его провести – и выставил Абдулхабира дураком. И это было серьезной обидой. Прежде чем осадить Иерусалим, этот сарацинский царек решил захватить монастырь кармелитов. И помешать ему возможности никакой не было, наша армия тогда сидела под Тамрой, пытаясь запихнуть истекающие кровью кишки обратно в распоротые животы, такая там была сеча...

– Не горю желанием слушать очередную историю, столь же нелепую, сколь и фальшивую, – холодно произнес Ягеллон. – Господа...

С достоинством поклонившись, он вышел из рефектория,

прямой как спица.

– Слабак, – скрипуче усмехнулся Томаш. – Все они такие, святоши. Как молиться за славу оружия, так это пожалуй-ста, а как знать, каким образом оно на деле бывает... Словом, Абдулхабир двинулся на монастырь, и в скором времени сделалось ясно, что кармелитам придется несладко. Стены куцые, рыцарей – раз-два и обчелся, и те почти без снарядов, словом, только на чудо уповать им и оставалось. Стали они призывать чудо. Молились истово днями напролет, ждали милосердия Господнего. Уж не знаю, в каком виде им представлялось это чудо, да только молитвы их были услышаны.

Томаш вновь надолго замолчал, явно испытывая терпение собеседников.

– Ну и что там? – не удержался Гримберт. – С чудом?

– А то, сир Грizeo. Абдулхабира Святой престол задобрил, сбыв ему пару приграничных городов и тысячу-другую рабов. А спустя месяц или около того мы вошли в тот самый кармелитский монастырь. Мы ожидали увидеть тела несчастных, расчлененных на части, распятых на крестах, – всем известно, как магометане относятся к пленным, особенно монахам. Но ничего такого нам не встретилось. Монастырь был совершенно пуст. Ни капли крови, ни волоска. Все выглядело так, будто обитатели спокойненько оставили его в целости и сохранности, включая теплицы, мастерские и богатый винный погреб. Оставили и удалились в неизвест-

ном направлении, точно бесплотные души.

– Тела могли спрятать, – заметил Шварцрабэ, с аппетитом откусывая от краюхи хлеба. – Сарацины большие мастера на всякие хитрости.

– Перекопали всю землю окрест – ни одного тела. И в рабство их тоже не угоняли, это было нам известно. Пропали монахи. Все. Начисто. Неделю мы не знали, что и думать. Наконец папский легат, собрав нас, объявил, что свершилось чудо. Господь в своей милости взял всех кармелитов на небо при жизни, укрыв их от ярости сарацин. На радостях было решено устроить праздник. Разожгли костры, вытащили последние сухари, да не в воду же их макать... Вспомнив про винный погреб, споро вытащили пару бочек самого благородного вина, протянули кружки... Не знали мы, что Господь в своей непостижимой мудрости явил нам совсем другое чудо. Обратил обратно вино в кровь.

Гримберт ощутил колючую наледь где-то внизу живота.

– Это...

– Это были они, – спокойно кивнул Томаш. – Все двести душ. Сарацины раздавили их в прессах для вина и разлили по бочкам. Как вам такое чудо, благородные сиры?..

Шварцрабэ, утратив аппетит, мял в руках хлеб.

– Да уж... – пробормотал он. – Знаете вы толк в...

Меньше всего в этот момент Гримберт ожидал услышать смех. Но это, несомненно, был смех. Сфокусировав сенсоры, Гримберт обнаружил, что издает его Франц Бюхер. Толстяк

пытался побороть его, обхватив себя за грудь, но смех все равно выбирался из него с треском, как воздух из дырявого бурдюка. Его толстая шея тряслась, на глазах выступили слезы. Он смеялся, всхлипывая и суча ногами под столом, смеялся так, будто услышал самую забавную историю в своей не очень-то длинной жизни.

– Франц! – Шварцрабэ укоризненно взглянул на владельца «Стальной Горы». – Похвально, что вы демонстрируете столь нужное для рыцаря пренебрежение к лишениям, но не опрометчиво ли это?.. В конце концов...

– Ох... Ох!..

– Господи, да что это с вами, Франц?

Франц, пошатываясь, поднялся из-за стола, сотрясаемый смехом. Он стонал и вздрагивал, словно пытаясь закупорить этот смех внутри, но тот неудержимо рвался наружу, клопоча в глотке. Взгляд у Франца сделался лихорадочно блестящим, прыгающим. Он метался из стороны в сторону, отражаясь от стен, не в силах на чем-нибудь остановиться, точно бесконечно рикошетирующий осколок снаряда. С ним что-то было не так. Гримберт понял это с опозданием, наблюдая за тем, как Шварцрабэ обеспокоенно тянется рукой к плечу толстяка.

– Назад! – рявкнул он. – Не прикасайтесь к нему!

– Что? – Шварцрабэ был озадачен и не понимал, что происходит.

– Прочь!

Не прекращая смеяться, Франц сплел пальцы на животе.

Гримберт успел заметить, как те стремительно выгибаются под неестественным углом, прежде чем раздался хруст, похожий на хруст сухого хвороста. Кто-то из монахов издал изумленный возглас:

– Господи! Он только что сломал себе...

Франц всхлипывал, вздрагивая всем телом. В его туше будто поселилась какая-то сила, сжимавшая его требуху подобно огромной змее, отчего объемный живот трепетал. Смех уже не казался смехом – сейчас это был хриплый утробный рык, рвущийся сквозь стиснутые зубы. Но страшнее всего были его глаза. Гримберт успел заглянуть в них, пока Франц пятился от стола, болтая в воздухе сломанными пальцами, похожими на гроздь причудливых бледных фруктов. Глаза эти принадлежали не человеку. Неестественно широко распахнувшиеся, они утратили все свойственные человеку эмоции, превратившись в две ледяные полыньи, внутри которых горел едкий огонь.

– Франц!

– У него припадок. Уложите его на пол и разожмите зубы!..

– Воды!

– Его пальцы! Его...

Они не видели того, что видели настроенные на полумрак сенсоры «Серого Судьи». Того, как всхлипывающий в пароксизме страшного веселья Франц Бюхер вдруг широко улыбнулся и между зубов по пухлому подбородку потекла кровь.

Он откусил себе язык, подумал Гримберт с непонятным ему самому спокойствием. Парень только что откусил себе язык.

Сразу несколько людей в темных монашеских рясах попытались схватить Франца за руки. Они не видели лихорадочного блеска его глаз, они не видели стекающей по подбородку крови.

– Назад! – рыкнул Гримберт во всю силу стальных легких. – Назад, дураки!

Но было уже слишком поздно.

* * *

Ближайшему монаху, взявшему было его за плечо, Франц вырвал зубами горло. Это вышло так быстро, что несчастный сам не успел осознать произошедшего – попятился назад, недоуменно подставляя ладони под багровый водопад и не замечая обнаженных изломанных труб пищевода и трахеи, торчащих из-за кадыка.

Кто-то испуганно завопил и попытался отскочить в сторону, но его ослабленный проказой череп тихо хрустнул, когда кулак Франца с исполинской силой вмял височную кость глубоко в мозг.

Франц бросился на монахов молча, без молитвы и боевого клича, единственным издаваемым им звуком был спазматический хрип легких – отзвук чудовищного смеха, что раз-

рывал его грудь минуту назад. Но он не смеялся. Он убивал.

Наиболее отчаянные братья-рыцари попытались схватить его, но это было не проще, чем удержать в руках крутящийся мельничный жернов. Франц легко расшвырял их, отбросив в стороны точно тряпичных кукол. Только внутри у них была не вата, что подтвердила алая капель, мгновенно залившая разгромленные столы и каменные плиты.

Кто-то взвыл, прижимая руки к разорванному боку, кто-то беспомощно мычал, катаясь по полу с поломанными ребрами. Франц не дрался. В его хаотичных нечеловеческих движениях, от которых трещали его напряженные сверх предела человеческие кости, не было ни тонко рассчитанной силы бойца, ни природной грации хищника. Он походил на обезумевшую куклу на руке уличного шарманщика – тряпичную куклу, которая бьется в агонии, терзая в клочья всякого, кто имел несчастье оказаться к ней слишком близко.

Какой-то новичиат, лицо которого еще не успела украсить печать лепры, попытался прикрыть живот руками, но сломанные пальцы Франца, заключавшие в себе какую-то чудовищную нечеловеческую силу, вонзились ему в живот, разорвав диафрагму и вытащив наружу сизые оболочки кишечника. Другой хотел было отскочить в сторону, но тут же оказался распластан на полу и наполовину освежеван.

Франц уже не казался неповоротливым и толстым. Он двигался со скоростью, которой невозможно было ожидать от человека его комплекции, и, несмотря на то что его

движения казались случайными, никуда не направленными, очень быстро сделалось видно, что он двигается вполне осознанно, настигая лазаритов и обрушивая на них все новые и новые остервенелые удары.

Несмотря на преимущество электронных сенсоров доспеха, Гримберт почти мгновенно потерял возможность ориентироваться в происходящем, слишком много вокруг него оказалось двигающихся фигур. Кто-то в последней отчаянной попытке пытался пробиться к безумствующему рыцарю, кто-то, напротив, тщился отползти от него прочь, зажимая кровоточащие раны и придерживая переломанные конечности. У всех физических величин в одно мгновение исчезли пространственные координаты, отчего в создавшемся хаосе невозможно было определить их действительное местоположение. Кажется, где-то под опрокинутым столом стонал Шварцрабэ.

В развернувшемся побоище единственным, кто сохранил хоть какое-то хладнокровие, оказался Красавчик Томаш. С трудом взобравшись на стол, изувеченный горбун выхватил из-под робы небольшой серебряный lighter и принялся вколачивать в бурлящее человеческое месиво ослепительные лучи, отчего по трапезной, мешаясь с щекочущим запахом крови, поплыла вонь обожженного мяса.

Рыцари ордена Святого Лазаря были обучены битве, но источенная болезнью плоть, столкнувшись с нечеловеческой яростью безумца, не была надежным подспорьем. Лишенная

защиты броневой стали, она ничего не могла противопоставить хаотичным ударам Франца, полосующим ее вдоль и поперек. Пытаясь повалить его, монахи лишь мешали друг другу, те же из них, кто соприкоснулся с его убийственной яростью, спешили, завывая, обратиться подальше, отчего столпотворение делалось еще большим.

В этом столпотворении Францу не требовалось выбирать цели, он рвал в клочья всех, имевших несчастье оказаться рядом, и делал это с пугающей нечеловеческой эффективностью. Гримберт на миг встретился с ним взглядом и вздрогнул. С залитого кровью лица, которое уже не выглядело мальчишеским, на него взирали мертвые, сделавшиеся стеклянными глаза безумца. На глазах у Гримберта луч лайтера срезал ему ухо вместе с половиной подбородка, но Франц даже не вздрогнул. Он продолжал свою страшную жатву.

Перед Гримбертом вдруг возникло искаженное лицо Томаша.

– Да стреляйте же, болван! Стреляйте, чтоб вас!

Стрелять... «Серый Судья» медленно соображал, но приказ изготовиться к бою относился к категории приоритетных. С коротким комариным писком полумрак монастырского рефектория утратил лишние тона, сделавшись почти черно-белым и безжалостно острым – автоматика нарочно привела контрастность к максимуму, чтоб облегчить поиск цели и наведение орудий.

Орудия ему не понадобятся, это он понял еще до того, как прицельный маркер попытался заключить в объятия мечущуюся фигуру Франца. Вздумай он стрелять из пушек в этой давке, не уцелеть и оставшимся братьям – боекомплект был заполнен осколочно-фугасными снарядами. Единственная надежда – на пулеметы.

«Серый Судья» создавался для боя с себе подобными громадами, закованными в броневую сталь рыцарями, его приводы наводки не были рассчитаны на поражение столь малых и быстро перемещающихся целей. Выпущенная им с близкого расстояния свинцовая плеть пронеслась мимо неистовствующего окровавленного существа, бывшего когда-то Францем Бюхером, вдавила в стену какого-то монаха и превратила его в дергающиеся клочья мешковины, окутанные каменной пылью.

Дьявол. Гримберт скорректировал огонь, но вторая очередь легла ненамного ближе, перемолов опрокинутый стол и пару укрывавшихся за ним фигур. Безжалостная четкость визора теперь лишь раздражала – Гримберт отчетливо видел, как пули кромсают гниющие тела под монашескими рясами, вышибая из них осколки деформированных костей вперемешку с дымящимся мясом.

Но в третий раз он все-таки попал.

Франц завертелся вокруг своей оси – кинетической энергии нескольких пуль, угодивших ему в торс, хватило даже для того, чтоб противостоять его дьявольской силе. Челове-

ческая плоть не может воспротивиться законам физики, разве что поддержанная чудом. Но чудо, вселившееся во Франца, уже утратило свою силу – чудовищное, убийственное, звериное чудо, – оставив его корчиться на полу. Не человек, а человекоподобный огрызок, покрытый алой бахромой сорванной кожи, весь изломанный, истекающий кровью и желчью, извивающийся подобно змее с перебитой спиной...

– Пошлите за приором! – хрипло рявкнул Томаш. – Немедля! И несите веревки. Он лишь ранен, мы должны...

Веревки не потребовались. Потому что Франц вдруг захохотал, обнажив рваную рану рта в обрамлении осколков зубов. Его слезящиеся глаза ничего не видели, но он хохотал, сотрясаясь и вздрагивая, точно хотел из последних сил вдоволь насмеяться перед тем последним пределом, который вдруг распахнулся перед ним. И Гримберт подумал, что эти глаза видят перед собой отнюдь не райские ворота...

Существо, прежде бывшее Францем, подняло истерзанные руки и обхватило себя за шею, не переставая хохотать. Но ведь не хочет оно...

Рывок был такой чудовищной силы, что явственно затрещали позвонки, а челюсть отскочила в сторону, точно на шарнире. Еще рывок – и из ослепших глазниц хлынула черная кровь.

– Боже, он хочет...

Третий рывок оказался последним. С хрустом, похожим на хруст сминаемого яблока, существо выворотило соб-

ственную голову из плеч и мгновенно замерло, наконец перестав смеяться. Гримберт смотрел на него, забыв даже поставить еще дымящееся оружие на предохранители.

Картина была страшной. Весь рефекторий был завален телами, безжизненно распростертыми или вяло извивающимися. Отовсюду доносился стон, кое-кто из монашеской братии принялся переворачивать изрешеченные пулями столы, пытаясь восстановить хоть какой-то порядок, кто-то дрожащим голосом затянул молитву.

Первым, кого Гримберт смог узнать, был Шварцрабэ. Выбравшийся из-под обломков, впервые утративший свою смешливость, хозяин «Беспечного Беса» выглядел так, словно перенес самую страшную битву в своей жизни.

– Все кончено, – сказал ему Гримберт. Больше для того, чтоб заглушить заунывную молитву, читаемую уцелевшими братьями, чем для того, чтобы ободрить. – Он мертв.

Шварцрабэ взглянул на «Судью» с горькой усмешкой, от которой Гримберта передернуло.

– Кончено? Господь с вами, сир Гризео, как бы я хотел надеяться на то, что вы правы!

* * *

Приор Герард долго молчал. Стоящий в окружении изрешеченных пулями обломков, он сам выглядел изувеченной статуей, водруженной кем-то на опустевшем поле битвы. Ла-

зариты уже успели вынести тела своих собратьев и теперь спешно присыпали опилками багровые лужи, извлекая из них остатки человеческой плоти, похожие на клочья беспорядочного разросшегося бледного мха, но работы им предстояло еще много.

Черт возьми, подумал Гримберт с мрачной усмешкой, даже если они будут работать до заката, рефекторий от этого не перестанет быть похожим на бойню. Защищенный фильтрами доспеха, он не ощущал запаха пролитого пива, крови и паленого мяса, но достаточно хорошо себе его представлял.

– Это мое последнее слово, сир Томаш. Ворота Грауштейна останутся закрыты вплоть до моих последующих распоряжений.

Любого другого тон его голоса заставил бы замолчать, но Красавчик Томаш был сделан из другого теста – куда более грубого и горького, чем то, которое шло на монастырские просфоры.

– Какого черта, приор? – пророкотал калека, сверкая единственным глазом. – Не много ли вы себе позволяете? Потрудитесь объяснить!

Шварцрабэ осторожно взял его за рукав. Все еще покрытый пылью и свежими ссадинами, он на удивление быстро вернул себе контроль над собственным телом, но не душевную безмятежность.

– Сир Томаш немного несдержан, но его недоумение находит отклик во всех нас, господин прелат. Мы чтим уста-

вы вашего монастыря, равно как и ваше несомненное право управлять здесь по вашему рассуждению, однако смею напомнить, что перед вами стоят рыцари. А на рыцарей его величества, как вам известно, монастырская юрисдикция не распространяется. Мы не имеем отношения к ордену.

Стальные пластины, благодаря которым лицо приора Герарда оставалось единым целым, зловеще скрипнули.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.